

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

СЬЮЗЕН ВИГГС

HARLEQUIN®
Romance

ПРОСТО
ДЫШИ

Вы смеетесь, вы плачете,
вы не можете оторваться!

Publishers Weekly



Сьюзен Виггс

Просто дыши

<http://www.litres.ru>
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=588045
Просто дыши: Центрполиграф; М.; 2010
ISBN 978-5-227-02186-1

Аннотация

«Просто дыши» – впервые на русском!

Искренние чувства, простая жизнь, истинные ценности. Роман «Просто дыши» – это судьба молодой художницы, решившей не поступаться своими принципами и начать все сначала! Среди действительно близких ей людей она находит силы, чтобы пережить боль и разочарование, избавиться от тоски и одиночества, обрести новую любовь.

Роман «Просто дыши» сразу вышел на первые позиции бестселлеров и не сдает их по сей день!

По мнению критики, «Просто дыши» - самый значительный роман Сьюзен Виггс.

Содержание

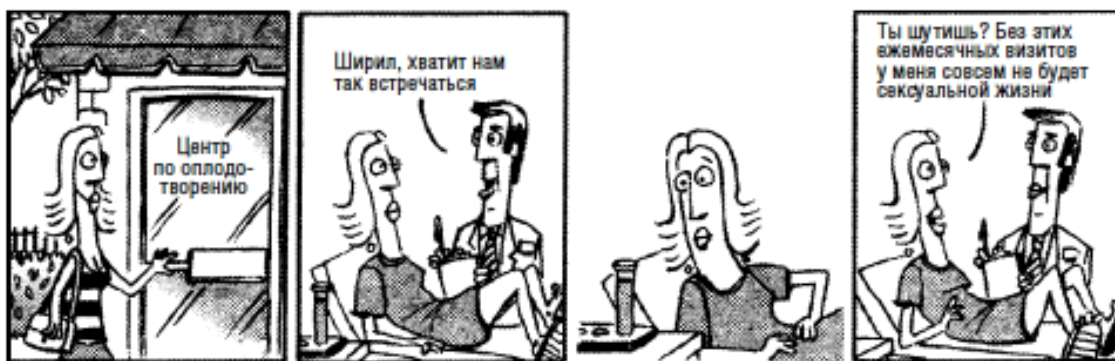
Часть первая	4
1	5
Часть вторая	15
2	16
3	22
4	27
5	35
6	40
7	46
8	51
9	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сьюзен Виггс

Просто дыши

*В память об Эллис О'Браен Борчардт —
одаренной писательнице и дорогом друге.
Ты живешь в сердцах тех, кто любит тебя*

Часть первая



1

После долгих лет визитов в клинику Сара начала чувствовать, что это пространство ее раздражает. Может быть, здешние специалисты полагали, что разнообразные оттенки почвы производят успокаивающий эффект на встревоженных, страстно желающих добиться цели пациентов. Или, может быть, радостное бульканье стенного фонтана может настолько оживить бесплодных женщин, что они неожиданно снесут яичко, подобно сверхпродуктивной курице. Или мелодичное звучание медных колокольчиков может способствовать тому, что сперма найдет свой путь домой, словно ракета, реагирующая на тепло.

Минуты после процедуры, когда она лежала на спине с поднятыми вверх бедрами, текли бесконечно долго. Современная практика осеменения уже не требовала таких мер, но многие женщины, включая Сару, были суеверны. Им нужна была вся помощь, которую они могли получить в этом важном деле.

Раздался легкий стук в дверь, и почти сразу она услышала, как дверь приоткрылась.

– Как у нас дела? – спросил Фрэнк, медбрат-практикант с бритой головой, с медицинской маской на лице. Серьга в ухе и хирургический костюм с рисунком в виде маленьких кроликов удачно дополняли его облик. Мистер Чистота демонстрировал свой профессионализм.

– Надеюсь, на этот раз это «мы», – сказал он, закладывая ей руки за голову.

От его улыбки Саре захотелось заплакать.

– Есть спазмы?

– Не больше, чем обычно.

Она тихо лежала на застеленном стерильном столе, где он измерил ей температуру и записал время.

Сара повернула голову набок. С этой точки она могла видеть свои вещи, аккуратно разложенные на полке в прилегающей раздевалке: свою сумочку цвета корицы от Смита-Бонд-стрит, дизайнерскую одежду, мягкие туфли, поставленные аккуратно у стены. Ее мобильный телефон, запрограммированный на то, чтобы дозвониться мужу с нажатия одной кнопки или даже с голосовой почты.

Глядя на все эти вещи, она думала, что они принадлежат женщине, о которой заботятся. Обеспеченной. Может быть – не обязательно – испорченной. Но вместо того чтобы ощущать себя особенной, избалованной, она просто чувствовала себя... старой. Словно она была дамой среднего возраста, вместо своих двадцати с копейками, и, между прочим, самая юная клиентка в «Решении проблем деторождения». Большинство женщин ее возраста все еще живут со своими приятелями в мансардах, обустроенных с помощью молочных ящиков и некрашеного дерева. Она не должна была завидовать им, но порой просто ничего не могла с собой поделать.

Без всяких на то причин Сара испытывала потребность защищаться и чувствовала себя ужасно виноватой, проходя эту дорогостоящую терапию. «Это не моя вина, – хотелось ей объяснять всем. – С моей способностью к воспроизведению потомства все в порядке».

Они с Джеком не сразу решили обратиться за помощью к медикам, поначалу это казалось безумием, с ее-то превосходно здоровым телом! Но теперь она использовала лекарства, зажимы, трансвагинальный ультразвук, сдавала кровь на анализ... и испытывала сокрушительное разочарование, когда результаты оказывались негативными.

– Избавься от плохого настроения, – говорил ей Фрэнк. – Уныние – плохая карма. С моей особой точки зрения.

– Я не унываю. – Она села и улыбнулась ему. – Я в порядке, в самом деле. Просто сегодня в первый раз Джек не присутствует при процедуре. Так что, если это работает,

мне придется в один прекрасный день объяснить своему ребенку, что его отец не принимал участия в его зачатии. Не говорить же ему, что дядя Фрэнк оказал мне честь?

– Да, это будет отлично.

Сара говорила себе, что Джек не виноват в том, что не смог присутствовать. И никто не виноват. К тому времени, как ультразвук показал зрелую овуляционную фолликулу и она была готова к инъекции, у них оставалось тридцать шесть часов для искусственного осеменения. К сожалению, Джек уже назначил встречу поздно вечером у себя на работе. Он не мог ее отложить. Клиент приезжает из другого города, сказал он.

– Так вы все еще пытаетесь добиться своего старомодным способом? – спросил Фрэнк.

Она вспыхнула. Эрекции Джека были редкими и уже давно, в конце концов он просто сдался.

– Все не так горячо, как ты думаешь.

– Привези его завтра, – сказал Фрэнк. – Я жду тебя к восьми часам утра.

Будет второе осеменение, пока окошко деторождения все еще открыто. Он отдал ей карточку с предписанием и оставил ее одну, чтобы она оделась и привела себя в порядок.

Ее желание иметь ребенка превратилось в голод, который был физически болезненным и только усиливался, пока бесплодные месяцы проходили один за другим. Это был их двенадцатый визит. Год назад она не думала, что дойдет до этой вехи, и тем не менее встретила ее одна. Все лечение стало депрессивно-привычным – инъекции, введение зеркала, боль и жжение катетера-осеменителя. В конце концов, отсутствие Джека – не такая уж проблема, напомнила она себе, одеваясь. Сара помнила, что весь этот центр науки и технологии является чем-то очень человеческим и совершенно необходимым для тех, кто страстно желает иметь ребенка. Позже ей было тяжело даже смотреть на матерей с детьми. Их вид вызывал у нее физическую боль.

Если бы Джек был с ней, чтобы держать ее за руку и говорить, перекрывая набившую оскомину музыку нью-эйдж, ей было бы легче. Она высоко ценила его юмор и поддержку, но сегодня утром сама подбодрила его, чтобы он не чувствовал себя виноватым, пропустив назначение.

– Все в порядке, – сказала она с иронической улыбкой за завтраком. – Женщины беременеют без мужей каждый божий день.

Он едва поднял глаза от своего мобильного:

– Хорошо, Сара.

Она коснулась ногой его ноги под столом:

– Предполагается, что мы будем пытаться забеременеть обычным способом.

Он на мгновение поднял глаза, и она заметила темную вспышку в его взгляде.

– Точно, – сказал он, отодвигаясь от стола и закрывая свой кейс. – Зачем еще мы занимаемся сексом?

Такое отношение, полное сожалений, началось несколько месяцев назад. Секс по обязанности, ради продолжения рода был не слишком радостным для них обоих, и она не могла дожидаться возвращения его либидо.

Были времена, когда он смотрел на нее как на богиню, но это было до того, как он заболел. В те дни Джек сетовал, что трудно интересоваться сексом, после того как твои половые железы подверглись облучению. Не говоря уже о хирургическом удалении одного яичка. Джек и Сара заключили пакт. Если он выживет, они вернутся к мечте, которая появилась у них до того, как у него обнаружили рак, – попытаться завести ребенка. Много детей. Они шутили о его единственном яичке, они дали ему имя – Юни-болл – и окружили его вниманием. Когда химиотерапия была завершена, доктора сказали, что у него хорошие шансы восстановить функцию деторождения. К сожалению, эта функция не восстановилась. Или сексуальная функция, к примеру. Во всяком случае, так, как предсказывали.

Они решили тогда прибегнуть к искусственному осеменению, используя сперму, которую он сохранил до агрессивного лечения. Так начался период хломида, утомительного отслеживания менструального цикла, частые визиты в «Решение проблем деторождения» и счета, такие огромные, что Сара перестала их открывать.

К счастью, медицинские счета Джека были оплачены, поскольку рак не предполагался как одна из проблем новобрачных, только пытавшихся создать семью.

Кошмар начался в 11.27 утром вторника. Сара отчетливо помнила, как она включила свой компьютер, пытаясь сохранять правильное дыхание. Выражение лица Джека повергло ее в слезы еще до того, как он произнес слова, которые изменили курс их жизни:

– Это рак.

После обильных слез она поклялась благополучно провести своего мужа через болезнь. К счастью, он предпочел улыбку, которую сохранял на протяжении всей серии процедур химиотерапии с бесконечными рвотами и корчами на полу. «Ты сможешь сделать это, парень, я с тобой, и мы улыбаемся».

В то утро, чувствуя себя сокрушенной после их разговора, она попыталась найти решение, пролистывая брошюру текущего проекта Шамрок-Даунс, роскошного строения в пригороде. Брошюра называлась: «Конный центр, дизайнер Мими Лайтфут, ЭВД».

– Мими Лайтфут? – спросила Сара, изучая невыразительные фотографии пастбищ и прудов.

– Отличное имя, чтобы занять людей конным спортом, – заверил он ее. – Если Роберт Трент Джонс¹ создает корты для гольфа, она создает арены.

Сара подумала, насколько сложно создать овальную арену.

– На кого она похожа?

Джек пожал плечами:

– Ты знаешь, лошадица. Сухая кожа, никакого макияжа, волосы в хвостик.

Он издал тихое ржание.

– Ты такой плохой.

Сара проводила его до двери, чтобы попрощаться.

– Зато пахнешь просто отлично. – Она вдохнула одеколон Карла Лагерфельда, который подарила ему в прошлом июне. Она купила его по секрету, вместе с коробкой шоколадных сигар на День труда, в надежде, что им будет что отметить. Когда выяснилось, что праздновать нечего, Сара все равно отдала ему Лагерфельда, просто чтобы быть милой, а шоколад съела сама.

Она также заметила, что он надел свои великолепно отутюженные брюки, одну из подходящих к ним рубашек из «Кастом-шоп» и галстук от «Гермес».

– Важный клиент? – спросила она.

– Что? – Джек нахмурился. – Да. Мы встречаемся по поводу маркетингового плана развития.

– Ну, – сказала она, – в таком случае хорошего дня. И пожелай мне удачи.

– Что? – спросил он снова, впихиваясь в свое пальто от «Берберри».

Сара покачала головой и поцеловала его в щеку.

– У меня свидание с миллионной армией твоих сперматозоидов, – сказала она.

– А, черт. Я в самом деле не могу отменить эту встречу.

– Я буду в порядке. – Она еще раз поцеловала его на прощание и подавила укол сожаления, вдыхая его ароматный запах.

¹ Джонс Роберт Трент – известный американский архитектор площадок гольфа. (Здесь и далее примеч. пер.)

После процедуры Сара прошла по указателю к лифту и спустилась в гараж. Странное дело, у клиники были мойка и парковка, но она не могла заставить себя пользоваться ими. Она и без того баловала себя. Она натянула кашемировые полосатые перчатки, обтянувшие ее пальцы, словно мягкая оленья кожа, затем скользнула на подогреваемое кожаное сиденье своего серебряного «Лексус-SUV» со встроенным детским сиденьем. Итак, Джек поторопился немного, купив эту штуку. Но может быть, только может быть, что через девять месяцев, считая с сегодняшнего дня, оно превосходно подойдет. Идеальная машина для мамы будущего футболиста.

Она поправила зеркало заднего вида, так чтобы видно было заднее сиденье. В настоящее время там была барахолка – мятая бумага и сумка из «Дик Брик» и разные материалы и, кроме всего прочего, факс-машина, которая была практически динозавром в нынешнее время. Джек полагал, что она должна умереть естественной смертью. Она предпочитала отвезти ее в починку. Это была первая покупка, которую она сделала на деньги, полученные за серьги, выполненные ею как художницей, и она хотела сохранить ее, даже если никто больше теперь не посылает факсов. В конце концов, она сделала карьеру. Не то чтобы очень успешную, пока нет, но все равно. Теперь, когда Джек избавился от рака, она намеревалась сфокусироваться на комиксах. Люди думают, что это просто – рисовать комиксы шесть дней в неделю. Некоторые полагают, что она может нарисовать месячное задание за один день, а потом прекрасно проводить время. У них нет представления, как отчаянно и всепоглощающе захватывает тебя любимое дело, в особенности в начале карьеры.

Самая лютая чикагская непогода обрушилась на ветровое стекло, когда ее автомобиль выехал с парковки. Город обладал неисчислимым запасом грязи, которая налетала с ветром, казалось, прямо с озера Мичиган, пачкая машины, ударяя по пешеходам и заставляя их искать укрытия. Сара никогда не могла привыкнуть к этому климату, не важно, как долго она здесь прожила. Когда она прибыла в город – свежая девушка с широко открытыми глазами из крошечной пляжной деревушки в Северной Калифорнии, она подумала, что на нее обрушилась буря века. У нее не было представления, что для Чикаго это нормально.

– Иллинойс, – сказала ее мама, когда Сару той весной приняли в колледж. – Зачем тебе это?

– Там Чикагский университет, – объяснила Сара.

– Лучшие школы страны находятся прямо у нас за задним двором, – возразила ее мама. – Кэл, Стэнфорд, Помона, Кэл-Поли...

Сара оставалась тверда. Она хотела поступить в Университет Чикаго. Ей не было дела до расстояния, или до плохого климата, или до плоского пейзажа. Николь Холландер, ее любимая художница мультфильмов, училась там. Это было место, которому Сара, как она чувствовала, принадлежала, во всяком случае четыре года.

Однако она не представляла себе, что проживет тут до конца своей жизни. Она продолжала ждать, что вырастет из этого. Город был жесткий и шумный, без претензий, местами опасный, местами широкий и щедрый, с отличной едой, куда бы ты ни пошел. Это было выше ее сил. Даже неизбежная приветливость чикагцев вызывала смущение. Как можно было понять, кто из них и в самом деле является твоим другом?

Она планировала уехать отсюда, как только окончит университет. Она не помышляла о том, чтобы создать здесь семью. Но вот вам жизнь. Она полна сюрпризов.

Джек Дэйли также был сюрпризом – его сияющая улыбка и неотразимое обаяние, легкость, с которой Сара влюбилась в него. Он был уроженцем Чикаго, главным по контрактам в семейном бизнесе. Вся его жизнь прошла здесь, здесь его семья, друзья и работа. Не возникало вопроса о том, где они с Сарой будут жить, когда поженятся.

Сам город был частью плоти и крови Джека. Тогда как большинство людей думают, что жизнь – это праздник, Джек не мог себе представить жизни где угодно, кроме города ветров.

Давным-давно, в разгар жестокой зимы, когда она не видела солнца или чувствовала, что мороз сковал город на недели, она предложила переехать куда-нибудь, где будет потеплее. Он подумал, что она шутит, и они больше никогда об этом не говорили.

– Я построю тебе дом твоей мечты, – пообещал ей Джек, когда они обручились. – Вот увидишь, ты научишься любить этот город.

Она любила его. Но не Чикаго.

Его рак – это тоже был сюрприз. Они пережили это, напоминала она себе каждый божий день. Но болезнь изменила их обоих.

Чикаго сам по себе был городом перемен. Он был сожжен дотла в 1871 году. Семьи были разделены раздуваемой ветром стеной огня, которая не оставила после себя ничего, кроме обгорелой древесины и пепла. Люди, потерявшие любимых, печатали отчаянные письма и расклеивали объявления повсюду, в надежде найти друг друга.

Сара представляла себе Джека и себя самое шагающими сквозь дымящиеся руины, тоже в надежде найти друг друга. Они были беженцами в несчастье другого рода. Выжившими после рака.

Ее переднее колесо скользнуло в выбоину. Это вызвало целый фонтан брызг вокруг заляпанного грязью лобового стекла, и она услышала грохот за спиной. Посмотрев в зеркало заднего вида, Сара убедилась, что факс-машина свалилась с заднего сиденья на пол.

– Прекрасно, – пробормотала она. – Просто роскошно.

Она включила «дворники», но грязь только размазывалась по ветровому стеклу. Предупредительный сигнал сообщил: «Пусто».

Движение было ужасным, все двигались на север. Остановившись у третьего светофора, Сара уперлась в рулевое колесо запястьем.

– Я не должна сидеть в пробке, – сказала она себе. – Я работаю на себя. Я, даже может быть, беременна.

Она подумала, что сделала бы Ширил в такой ситуации. Ширил была альтер-эго Сары в ее комиксах «Просто дыши». Более резкая, более уверенная в себе, более тонкая версия ее создания, Ширил была бесстрашной; у нее было ко всему свое отношение и импульсивная натура.

– Что бы сделала Ширил? – вслух спросила Сара. Ответ пришел к ней немедленно: она заказала бы пиццу.

Сама эта мысль была полна такого страстного желания, что она рассмеялась. Может быть, это уже первый признак беременности.

Она съехала на боковую улицу и набрала «пицца» на своем навигаторе. Меньше чем в шести кварталах обнаружилось местечко под названием «У Луиджи». Звучит многообещающе. И выглядит многообещающе, подумала она, подъехав к этому месту несколькими минутами спустя. Красная неоновая вывеска над заведением гласила: «Открыто до полуночи». Там же обнаружилось и еще одно объявление, обещающее лучшую пиццу в Чикаго с 1968 года.

Набросив капюшон своего пальто на голову, Сара двинулась к входу, как вдруг ее осенила блестящая идея. Она купит пиццу, чтобы разделить ее с Джеком. Его встреча, вероятно, уже закончилась, и он, должно быть, проголодался.

Она ослепительно улыбнулась молодому человеку за кассой. На кармашке его рубашки было вышито имя Донни. Он выглядел как хороший мальчик. Вежливый, немного застенчивый, отлично вышколенный.

– Снаружи довольно погано, – заметил Донни.

– Как скажете, – согласилась она. – Движение – просто кошмар, вот почему я поехала в объезд и остановилась здесь.

– Что я могу вам предложить?

– Тонкую пиццу навynos, – сказала она. – Большую. И кока-колу со льдом и... – Она запнулась, думая о том, как вкусно будет отхлебнуть сладкой, как сироп, холодной колы. Или пива, или «Маргариты», если на то пошло. Однако она сопротивлялась искушению. Согласно всем книгам о зачатии, которые она прочла, она должна создать из своего тела храм, свободный от кофеина и алкоголя. Для многих женщин алкоголь является ключевым фактором зачатия, а вовсе не запрещенной субстанцией. Забеременеть означает куда больше удовольствия для людей, которые не читают книг с советами.

– Мадам? – повторил паренек.

Это «мадам» заставило ее почувствовать себя старой.

– Только одну кока-колу, – сказала она. Как раз в эту минуту оплодотворенная яйцеклетка, может быть, превращается в несколько клеток внутри ее. Порция кофеина – плохая идея.

– Наполнение? – спросил паренек.

– Итальянская колбаса, – автоматически сказала она, – и перец. – Она с тоской посмотрела в меню. Черные оливки, донышки артишоков, песто. Она обожала эти соусы, но Джек их не выносил. – Это все.

– Получайте. – Паренек погрузил руки в муку и приступил к работе.

Сара испытала легкий укол сожаления. Она, в конце концов, могла бы заказать черные оливки хотя бы на половину пиццы. Но нет. В особенности когда Джек проходил лечение, он стал исключительно разборчив в еде, и один только вид определенной еды отбивал у него аппетит. Большая часть лечения от рака заключалась в том, чтобы он ел, так что она научилась следить за его аппетитом с таким самоотречением, что позабыла о своих собственных предпочтениях.

Но он больше не болен, напомнила она себе. Закажи чертовы оливки.

Однако она этого не сделала. Врачи не расскажут вам о том, что рак приключается не с одним человеком. Он происходит со всеми вокруг него. Он лишает сна его мать, он посылает его отца каждый вечер подальше от дома, чтобы забрать его братьев и сестер, где бы они ни были. А что он делает с его женой... Она никогда не позволяла себе погружаться в это.

Болезнь Джека полностью изменила ее жизнь. Она забросила свою карьеру, отставила в сторону планы покрасить гостиную и посадить цветы в саду, отложила до времени свое страстное желание иметь ребенка. Все это стало неважным, и она с готовностью согласилась с таким положением. Пока Джек боролся за свою жизнь, она торговалась с Богом. Я буду превосходной женой. Я никогда не поддамся гневу. Я никогда не буду скучать о прежней сексуальной жизни. Я никогда не буду жаловаться. Я больше никогда не захочу пиццу с черными оливками, если от этого ему будет лучше.

Она выполняла свою часть сделки. Она никогда не жаловалась, даже когда была не в настроении, она была сама деликатность. Она ни разу не издала стона жалобы по поводу их сексуальной жизни или отсутствия таковой. Она не съела ни единой оливки. И вскоре лечение Джека подошло к концу, а рентген показал, что все чисто.

Они рыдали, и смеялись, и праздновали, а потом проснулись в один прекрасный день, не зная больше, как быть супругами. Пока он болел, они были солдатами в битве, товарищами, которые борются за жизнь в объятиях друг друга. Когда худшее оказалось позади, они растерялись, не зная, как жить дальше. После того как они выжили – а она не обманывала себя, они оба выжили в этом бедствии, – как снова начать быть нормальными?

Полтора года спустя, вспоминала Сара, они все еще не были уверены. Она покрасила дом и посадила цветы. Она закатала рукава и погрузилась в работу. И они решили попытаться завести ребенка, которого обещали друг другу давным-давно.

И тем не менее теперь для них это был другой мир. Может быть, это было только ее воображение, но Сара чувствовала новую дистанцию между ними. Пока он был болен,

бывали дни, когда Джек целиком и полностью зависел от нее. Теперь, когда он в порядке, естественно, что он восстанавливает свою независимость. Ее работой было позволить ему это, прикусить язык вместо того, чтобы сказать, что ей без него одиноко, ей плохо без его прикосновений, без той нежности и интимности, которой они когда-то одаривали друг друга.

Когда аромат свежей пиццы наполнил магазинчик, она проверила, нет ли сообщений на ее мобильном, и не нашла ни одного. Тогда она попыталась набрать номер Джека, но он был «вне зоны доступа», и это означало, что он все еще на стройке. Она отложила телефон и взяла потрепанный экземпляр «Чикаго трибюн», который лежал на столе. На самом деле она не стала его листать. Она перевернула страницы прямоком к секции комиксов, чтобы увидеть «Просто дыши». Вот он, на своем обычном месте, нижняя треть страницы.

А там была ее подпись, через нижний край последнего рисунка: «Сара Мун».

«У меня лучшая работа в мире», – подумала она. Сегодняшним эпизодом был очередной визит в клинику зачатия. Джек ненавидел эту сюжетную линию. Он не мог выносить, когда она брала материал из реальной жизни, чтобы заполнить им комиксы. Но Сара ничего не могла с собой поделать. Ширил жила ее собственной жизнью, и она жила в мире, который был даже более реален, чем сам Чикаго. Когда Ширил начала процедуру искусственного осеменения, две ее газеты заявили, что сюжет слишком резкий, и они отказались от ее рисунков. Но еще четыре подписались на серию комиксов.

– Не могу поверить, что ты находишь это забавным, – жаловался Джек.

– Это вовсе не забавно, – объясняла она. – Это просто реальность. Некоторые люди могут находить это забавным. – Кроме того, заверила она его, она публикуется под девичьей фамилией. Большинство людей не знают, что Сара Мун – жена Джека Дэйли.

Она попыталась придумать историю, которую он полюбит. Может быть, она придумает Ширил мужа, Ричи, с бицепсами. Джекпот, который они сорвут в Вегасе. Моторная лодка. Эрекция.

Это никогда не пройдет через ее редакторов, но девушка может помечтать. Перебирая в уме возможности, она обернулась к окну. Залитое дождем окно обрамляло контур Чикаго. Если бы Моне писал небоскребы, они выглядели бы именно так.

– Обычную или диетическую колу? – Донни нарушил ход ее размышлений.

– О, обычную, – сказала она. Джек мог использовать эти калории себе на благо, он все еще набирал вес, который потерял за время болезни. Что за идея, думала она. Есть, чтобы набрать вес. Она не делала этого с тех пор, как ее мать отняла ее от груди во младенчестве.

– Пицца вот-вот будет готова, – сказал мальчишка.

– Спасибо.

Пока мальчик обслуживал ее, Сара изучала его. Он был симпатичным, на вид лет шестнадцати, с этой самой очаровательной неловкостью, которая присуща подросткам. Зазвонил телефон на стене, и она могла сказать, что звонок был личный и наверняка от девушки. Он наклонил голову, вспыхнул и, понизив голос, сказал:

– Я сейчас занят. Я скоро позвоню. Да. Я тоже.

Вернувшись к рабочему столу, он сложил картонные коробки, неосознанно напевая себе что-то под нос вслед за радио. Сара не могла вспомнить, когда она в последний раз испытывала такого рода счастье – смеяться без причин. Может быть, это была функция возраста или матримониального статуса. Может быть, женатый взрослый человек не должен смеяться ни над чем. Но, черт, она скучала по этой возможности.

Ее рука потянулась к животу. Однажды она может оказаться матерью сына, вроде Донни – честного, работающего мальчишки, который, вероятно, разбрасывает свои грязные носки по полу, но собирает их достаточно тщательно, когда на него ворчат.

Она добавила щедрые чаевые в стеклянный кувшин на прилавке.

– Большое спасибо, – сказал Донни.

– Не за что.

– Приходите снова, – добавил он.

Удерживая коробку с пиццей одной рукой, балансируя стаканчиком с напитком на ее крышке, она вышла наружу в дикую погоду.

Через несколько минут весь «лексус» пропах пиццей, а окна запотели. Она включила кондиционер и двинулась сквозь симпатичные пригороды и деревушки, окружающие город, словно спутники. Она с чувством жажды посмотрела на кока-колу, которую заказала для Джека, и ее одолело страстное желание, но она его подавила.

Через двадцать минут она свернула с шоссе штата и двинулась внутрь пригорода, где Джек развивал строительство изысканных домов. Она затормозила, подъехав к фигурным бетонным воротам, которые однажды станут открываться только карточкой. Выполненное со вкусом объявление у входа гласило: «Шамрок-Дауне. Частное конное владение».

Именно тут будут жить миллионеры с их изнеженными лошадьми. Компания Джека планировала анклав до последней былинки травы, которая ничего не стоила. Участок включал сорок акров² высококачественного пастбища, пруд и крытую тренировочную арену, освещенную и окруженную белильными баками. Местные Торобред и Уармблад займут ультрасовременную конюшню на сорок стойл.

В вечерней полутьме она увидела, что «субару-форестер» припаркован у амбара, но никого из людей видно не было. Трейлер прораба тоже выглядел заброшенным. Может быть, она разминулась с Джеком и он направляется домой. Может быть, у него был приступ совестливости и он пораньше закончил встречу, чтобы побыть с ней в клинике, но застрял из-за кошмара на дороге. На ее мобильнике не было сообщений, но это ничего не значило. Она ненавидела мобильники. Они никогда не работают, когда нужно, и звонят, когда вам необходим мир и покой.

Незаконченные дома выглядели зловеще: черные скелеты на фоне залитого дождем неба. Оборудование, разбросанное то тут, то там, выглядело так, словно гигант торопливо собирал игрушки в промокшей песочнице. Наполовину заполненные контейнеры для мусора были разбросаны по бесплодному пейзажу. Люди, которые переедут сюда, никогда не узнают, что вначале это все походило на поле боя. Но Джек был волшебником. Он мог начать со стерильной прерии или утилизированной фабрики отходов и превратить их в Плезантвилль. К весне он превратит это место в нетронутую, буколическую утопию, где дети будут играть на газонах, лошади – галопировать в паддоках, а женщины с лошадиными хвостами и без косметики – маршировать к конюшням.

Вот-вот стемнеет. Пицца скоро остынет.

И тут она заметила автомобиль Джека. Отреставрированный на заказ GTO был исключительно мужской машиной, хотя по закону принадлежал ей. Когда он был болен, она купила эту машину, чтобы ободрить его. Используя гонорары от комиксов, она умудрилась скопить достаточно для этого роскошного подарка. Потратить свои сбережения на автомобиль было актом отчаяния, хотя она была готова отдать все, пожертвовать всем, чтобы заставить его почувствовать себя лучше. Она желала только одного – потратить свой последний цент, чтобы купить ему здоровье.

Теперь, когда он был здоров, автомобиль остался его призом, его собственностью. Он водил его только по особым случаям. Его встреча с клиентом, должно быть, очень важная.

Черно-красный автомобиль припал, словно экзотическое животное, к подъездной дорожке одного из модельных домов. Он был почти окончен и напоминал охотничий домик, наевшийся стероидов. Все, что Джек строил, было больше, чем должно было быть, – панорамный настил, вход, гараж на четыре машины, водосборник. Двор все еще был скопищем

² Акр – единица площади в английской системе мер. 1 акр равен 0,4047 гектара.

грязи, с огромными ямами под взрослые деревья, которые будут вкопаны на этом месте. Инсталлированы – это словечко Джека. Сара бы сказала «посажены». Деревья выглядели патетически, словно падшие жертвы, лежащие на боку, с корнями упакованными в мешковину.

Дождь полил еще сильнее, когда она припарковалась, выключила фары и двигатель. Газовый фонарь слегка освещал сделанную от руки надпись: «Улица мечты». В доме было как минимум два газовых камина из речного камня, и один из них топился, что она могла наблюдать в виде золотого свечения в окнах верхнего этажа.

Прихватив стаканчик с кока-колой и коробку с пиццей, она открыла свой автоматический зонтик и вышла. Порыв ветра согнул ребра ее зонтика, выворачивая их наизнанку. Ледяной дождь бил ее по лицу и скользил за воротник.

– Ненавижу эту погоду, – сказала она сквозь сжатые зубы. – Ненавижу ее, ненавижу, ненавижу.

Ручьи воды с голого двора бежали по склону к подъездной дорожке и свивались в мутные потоки. Нефункциональные сливные трубы лежали беспорядочной кучей. Она не могла пройти не замочив ног.

«Пожалуй, я заставлю Джека отвезти меня домой в Калифорнию в отпуск», – подумала она. Ее родной городок Гленмиур в графстве Марин не вызывал у него нежных чувств. Он любил белые пески пляжей Флориды, но Сара почувствовала, что настала ее очередь выбирать место для отпуска.

Прошедшие полтора года были целиком заняты Джеком – его нужды, его выздоровление, его желания. Теперь, когда беда осталась позади, она испытывала настоящую потребность всплыть на поверхность. Это выглядело немного эгоистично, но зато чертовски привлекательно. Она хотела поехать в отпуск подальше от промокшего насквозь Чикаго. Она хотела сохранить каждый свободный от тревог день, кое-что, что она была не способна сделать довольно долгое время.

Путешествие в Гленмиур – не так много, чтобы об этом не попросить. Она знала, что Джек будет разочарован; он всегда утверждал, что в этой сонной прибрежной деревушке просто нечего делать. Пробираясь сквозь ураган, она решила, что с этим стоит поспорить.

Она улыбнулась, толкнув входную дверь, и вздохнула с облегчением. Что может быть уютнее, чем сидеть в дождливый вечер у камина и есть пиццу? Вполне возможно, что этот дом – единственное теплое и сухое место во всей округе.

– Это я, – позвала она, вылезая из ботинок, чтобы не запачкать новый паркетный пол. Ответа не было, только тихий звук радио, откуда-то сверху.

Сара почувствовала легкую боль в животе. Спазмы были побочным эффектом оплодотворения, и она не обращала на это внимания. Тот факт, что она испытывала боль, придавал значимость ее миссии. Это было физическое напоминание о ее решимости создать семью.

Страхнув капли дождя, она на цыпочках, в носках двинулась к лестнице. Она никогда не была здесь раньше, но ей был знаком интерьер дома, Джек работал всего с несколькими планами домов. Массивные размеры и роскошные материалы снаружи – он строил то, что без смущения называл «типовыми домами». Она однажды спросила его, не надоело ли ему в самом деле строить все время один и тот же дом. Он рассмеялся в ответ.

– Разве может надоест плетение рыбацкой сети? – возразил он.

Ему нравилось делать деньги. И ему это хорошо удавалось. Она была не столь удачлива. Каждый год, когда они платили по страховке за дом, он смотрел на цифры доходов от ее комиксов и снисходительно улыбался: «Я всегда хотел быть покровителем искусств».

Наверху лестницы она повернула на звук радио, ее плащ задел перила. По радио передавали «Разбитое сердце», и она вздрогнула. У Джека был ужасный вкус к музыке. Настолько ужасный, что это даже умиляло Сару.

Дверь в хозяйские комнаты была открыта, и дружественное пламя камина освещало покрытый ковром пол. Она заколебалась, чувствуя что-то...

Предостережение пульсом забилося в ее ушах.

Она шагнула в комнату, ее ноги утонули в пушистом ковре, пока глаза привыкали к мягкому золотистому свету. Рассеянный свет, мягко струящийся из двух пожизненной гарантии газовых фонариков, осветил два обнаженных тела, слившиеся в объятии на толстых шерстяных одеялах, расстеленных перед камином.

Сара испытала мгновение невыносимого смущения. Ее взгляд затуманился, и она почувствовала головокружение и тошноту. Здесь была какая-то ошибка. Она вошла не в тот дом. В чужую жизнь. Она боролась с паническими мыслями, играющими в пинг-понг в ее сердце. Секунду или две она просто стояла недвижно, ошеломленная, позабыв дышать.

После бесконечных секунд они заметили ее и сели, подобрав одеяла, чтобы прикрыться. Песня по радио сменилась на такую же отвратительную: «Поцелуй бабочки».

Мими Лайтфут, осознала Сара, была точно такой, как Джек описывал ее: лошадица – сухая кожа и никакого макияжа, волосы в хвостик. Но с большими сиськами.

Наконец Сара обрела голос и произнесла единственное, что было у нее в голове:

– Я привезла тебе пиццу. И кока-колу. Со льдом, как ты любишь.

Она не бросила пиццу и не пролила напиток. Она осторожно положила все на консоль рядом с радио. Она была так собрана и точна в движениях, словно всю жизнь работала горничной.

Затем она повернулась и вышла.

– Сара, подожди!

Она слышала, как Джек зовет ее, пока сбегала по лестнице со скоростью и грацией Золушки, услышавшей, как часы бьют полночь. Сунуть ноги в ботинки – это едва ли заняло у нее много времени. В одну секунду она была снаружи со своим сломанным зонтиком и бросилась к машине.

Она уже завела двигатель, когда из дома выскочил Джек. На нем были хорошие брюки – те самые, с отутюженными складками, которые она отметила сегодня утром, – и больше ничего. Она видела, как его рот открывается, произнося ее имя: «Сара». Она включила дальний свет и испытала чувство глубокого удовлетворения, когда «лексус» снес бампером почтовый ящик из речного камня. Огни ее машины осветили фасад дома, в их свете засиял брус крыльца, деревянные рамы окон, андерсеновское стекло и шикарный подъезд к дому.

На мгновение в свете фар появился Джек, ослепленный, застывший на месте.

Что бы сделала Ширил? – спросила себя Сара. Она схватилась за руль, перевела автомобиль на привод и нажала акселератор.

Часть вторая



2

После того как Сара разрушила почтовый ящик и сбила фонарь на Улице мечты, она в самом деле намеревалась сбить и Джека тоже. На один безумный момент она сопоставила себя с сумасшедшей женщиной по телевизору, оправдывающейся из-за решетки: «Я не думала. Моя нога просто нажала на акселератор, и я врезалась в ограждение...»

Однако она умудрилась направить «лексус» в сторону от него и двинуться к шоссе. Она не знала, что делать, и не могла размышлять здраво, поэтому направилась домой, превышая скорость, словно лошадь, рвущаяся в конюшню после долгой пробежки.

Как можно было предсказать, ее мобильник зазвонил сразу же. Джек, наверное, еще полуобнажен. Он, вероятно, все еще пахнет сексом с Мими Лайтфут. Сара отключила телефон и сильнее нажала на акселератор. Ей необходимо было попасть домой, дать себе время отдышаться и решить, что делать дальше.

Когда она въехала на круговую подъездную дорожку, до нее дошло, что она никогда больше не почувствует себя здесь дома, это просто место, где она живет. Это был Дом, который построил Джек, думала она, слыша в голове отзвуки старой детской песенки. И она была женой, которая жила в Доме, который построил Джек. И была любовница, которая соблазнила мужа и которая наплевала на жену, которая жила в Доме, который построил Джек.

Дом располагался среди таких же домов в превосходном месте у озера. Деревья, которые окружали переулок, разделялись на подъездные дорожки, почтовые ящики, в тон домам, и вход в каждый дом находился на подходящем расстоянии от тротуара. Весь район был спланирован дизайнером, который работал на «Дэйли констракшнз».

Она въехала в просторный гараж, едва не задев рабочий автомобиль Джека – обыкновенный «форд»-пикап F-350 – и заторопилась внутрь. Затем она застыла на месте. Что теперь? Она чувствовала себя странно, как будто пережила тяжелую травму, словно стала жертвой жестокого изнасилования.

Она посмотрела на настенный телефон на кухне. Автоответчик мигал. Может быть, ей стоит позвонить... кому? Ее мать умерла много лет назад. Ее друзья... она позволила себе сосредоточиться на доме, и ее чикагские друзья были больше друзьями Джека, чем Сары.

Что бы сделала Ширил? – подумала она, отделяя эту мысль от паники, которая заполняла ее душу. Ширил была умна. Она была толковой. Ширил бы напомнила Саре, что надо сфокусироваться на практических делах, например на том факте, что у нее отдельный банковский счет. Это было то, что они сделали во время болезни Джека, чтобы у нее был доступ к деньгам, если случится немыслимое.

Итак, немыслимое случилось. Но не то, однако, чего она боялась.

Ее желудок сжался в спазме – чувство, которое она обычно приветствовала после процедуры, поскольку это означало, что биология работает. Сейчас дискомфорт означал что-то совершенно другое.

Зазвонил телефон. Увидев номер Джека, она переключила его на автоответчик.

Она посидела немного посреди темного дома, ее промокшее пальто и ботинки все еще были на ней. Это была такая странная головоломка. Мужья изменяли женам во все времена: сколько раз она наблюдала в дневное время по телевидению заплаканных преданных мужьями женщин, ищущих утешения в национальных ток-шоу. Проблема так же знакома каждому, как цепочка на шее. Однако этот предмет всегда проходил мимо Сары, как плохая погода в другой части страны. Она могла осознавать ее, представлять, на что это похоже. Она думала, что понимает.

То, что никогда не объяснялось в ток-шоу, – то, что никто и никогда не объяснял, – что конкретно ты предполагаешь делать в тот самый момент, когда ты сделал это великое открытие. Вероятно, ей не стоило оставлять им пиццу.

Она была знакома со стадиями горя: шок, отрицание, гнев, соглашение... Она отлично изучила их, когда потеряла мать и когда ее мужу поставили диагноз: рак. Но это было другое. Во всяком случае, она знала, что должна чувствовать это. Это было ужасно, но, в конце концов, она это знала. Теперь она видела, как мир перевернулся вверх ногами. Предполагалось, что она должна перейти от шока к фазе отрицания, но это не работало. Все было чересчур реально.

Позже вечером она сидела, перебирая возможные варианты – напиться, закатить истерику, отомстить, но ничто не казалось ей правильным. В конце концов утомление взяло верх, и она отправилась в постель. Она лежала неподвижно, ожидая, что слезы хлынут у нее из глаз. Вместо этого она сухими глазами следила за тенями на стене и неожиданно уснула.

Сара очнулась от глубокого сна, услышав звук льющейся воды. Она повернулась на кровати и увидела, что половина Джека нетронута. Он вернулся домой, но не в ее постель. События предыдущего дня навалились на нее и уничтожили всякую возможность уснуть снова.

В прошлом году она отправлялась в постель одна практически каждую ночь, потому что Джек работал допоздна. Сколько браков было принесено в жертву, разрушено и сожжено на алтаре «поздней работы»?

«Я идиотка», – думала она. Она поднялась и почистила зубы, закутавшись в халат. На полочке в ванной стояла бутылочка витаминов для беременных, которые она принимала. Обычно наутро после искусственного оплодотворения она весело глотала пилюли, полная надежд и возможностей. Она спросила себя, когда стала считать, что искусственное осеменение – это нормально.

Теперь Сара смотрела на бутылочку в тупом ужасе.

– Мне лучше не быть беременной, – прошептала она.

Вот так мечта о том, чтобы иметь ребенка, растаяла, словно подснежник в кастрюльке. Ш-ш-ш.

Хорошая новость состоит в том, подумала она, проводя пальцами по волосам, что им не удалось завести ребенка за все те многие разы, когда она была в «Решении проблем деторождения», так что опасность, что она сейчас беременна, невелика. Слабое утешение, но все равно утешение.

Она позвонила в клинику и оставила сообщение на автоответчике, что сегодня не придет на вторую часть процедуры. Она решительно взяла бутылочку и высыпала витамины в унитаз. Затем, словно повинувшись внезапному порыву, подняла бутылочку вверх, потрясла ее и, заметив, что несколько таблеток осталось, медленно завернула крышечку. Вероятно, стоит оставить немного. Просто на всякий случай.

Сара сунула ноги в шлепанцы и последовала на звук льющейся воды в гостевой комнате. Джек пришел домой поздно. Она чувствовала, как он смотрит на нее, но лежала неподвижно, притворяясь спящей, уверенная в том, что он знает, что она притворяется. Им было что обсудить, но она не хотела заниматься этим в два часа ночи. Теперь, при свете дня она чувствовала себя... чувствовала, что не стала сильнее. Но шок и отрицание ушли, оставив место холодной ярости, какую она никогда не испытывала раньше, и это пугало ее.

Она остановилась на пороге, чтобы обнаружить Джека чисто выбритым, с полотенцем обмотанным вокруг худощавых бедер. В нормальных обстоятельствах она сочла бы его сексуальным. Она даже могла бы испытать на нем некоторые соблазнительные движения, но эти движения долгое время не приносили ей никаких результатов. Не то чтобы она начала

понимать настоящую причину недостатка его желания, она видела его новыми глазами. И теперь он вовсе не казался ей сексуальным.

– Итак, – сказала она. – Кто начнет? – И когда он ничего не ответил, спросила: – Как долго это продолжается? Сколько раз в неделю? – У нее было еще дюжина вопросов, но Сара осознала, что главный вопрос – это она сама. Почему она не видела и не знала?

Он опустил голову. Стыдно, подумала она. Это многое обещает. Но если она была честна сама с собой, ей следовало признать, что она не хочет, чтобы он унижался и умолял ее о прощении. Она хотела... она сама была не уверена в том, что она хочет.

Но когда Сара подняла глаза, она не увидела в его глазах униженности, нет, только враждебность. Ну хорошо, значит, ему не стыдно.

– Просто секс, – сказал он и двинулся в ванную.

Он появился оттуда мгновение спустя, одетый в белый махровый халат, который они держали для гостей. Его руки высывались из слишком коротких рукавов, ноги оставались голыми.

Вероятно, не существовало дресс-кода для распада брака. Халат вполне подойдет. В конце концов, это не даст им убежать из дома в приступе ярости. Или, может быть, нет. В этот момент ей хотелось быть где угодно, только не здесь.

– Мы оба были несчастливы, – резко сказал он ей. – Ты не можешь этого отрицать.

О, ей хотелось. Ей хотелось поклясться, что ее жизнь была превосходной. Это сделало бы его ответственным за мгновенный коллапс. Вместо этого она осознала, что сражалась с постоянным разочарованием, постепенно опускаясь все ниже, и разочарование все нарастало, и ей было достаточно легко игнорировать это, пока несчастье с конским хвостом не отразилось в зеркале.

– Я не стану этого отрицать, – сказала она, – пока ты не станешь отрицать, что ты выбрал один из худших способов выразить свое несчастье.

Он не отрицал. Он действовал так, словно она вообще ничего не говорила.

– Я не просил о том, чтобы заболеть. Ты не просила себе мужа с такой болезнью. Но это случилось, Сара, и это испортило все.

– Нет, это *ты* испортил все.

Он сузил глаза, холодный и такой привлекательный.

– Когда я был болен, когда все обстояло наихудшим образом, это изменило нас. Мы больше не муж и жена. Мы просто вроде... родителя и ребенка. Я не мог этого вынести. Когда я с тобой, чувствую себя парнем, больным раком.

Ее живот свело, и на мгновение она сфокусировала всю свою горечь на болезни. Это была правда, рак и его лечение забрали у него достоинство, сделали его беспомощным. Однако теперь он не был беспомощным, напомнила она себе.

– Это позади, – заявила она. – Мы должны научиться снова быть мужем и женой. Я не знаю, как насчет тебя, но я работаю как раз над этим. Очевидно, ты тоже решил снова почувствовать себя мужчиной, только без жены.

Неожиданно он ядовито посмотрел на нее.

– Ты провела последние годы в попытках забеременеть, – возразил он, – с моей помощью или без нее.

– Но ты говорил мне, с того момента, как мы обручились, как сильно хочешь детей, – напомнила она.

– Но это никогда не принимало форму одержимости, – сказал он.

– А у меня приняло?

Он зло рассмеялся.

– Давай посмотрим. Давай просто посмотрим.

Пройдя мимо нее, он вышел из комнаты и пошел в большую комнату, переделанную в гардеробную с зеркалами. Чувствуя тошноту, она последовала за ним. Он сорвал со стены календарь и швырнул его на пол.

– Календарь твоей овуляции.

Он перешел к другой стене.

– Карта температуры.

Он сорвал ее со стены и бросил на пол, затем перешел к туалетному столику.

– Здесь ты держишь свои термометры – смотри, у тебя по одному для каждого отверстия – и таблетки для беременности. Я полагаю, твоим следующим шагом будет установление веб-камеры в спальне, чтобы ты могла записывать тот самый момент, когда наступает время моей роли. Кажется, так делают на конюшнях?

– Ты говоришь просто абсурдные вещи, – сказала она ему. Ее щеки вспыхнули от унижения. «Защищайся», – подумала она. И сразу поняла, что это не ее работа. – Я изменила ради тебя всю свою жизнь. Как ты можешь говорить, что я забыла, что у меня есть муж?

– Ты права. Ты не забывала. Когда приходит время оплодотворять яйцо, ты требуешь представления, и неудача – это не главное. Разве ты не видишь, что меня охватывает тревога всякий раз, когда ты ко мне с этим обращаешься?

– Обращаюсь к тебе? Значит, ты так это видишь?

– Боже правый, ничего удивительного, что я не могу сделать это для тебя. Но я должен делать это, Сара. Ты не позволяешь себя остановить. К чему беспокоиться о муже, когда у тебя запас спермы на целую жизнь?

– Пойти в клинику было твоей идеей. Ты сидел там и держал меня за руку, месяц за месяцем.

– Потому что я думал, это избавит меня от тебя.

О боже. Она пыталась быть для него сексуальной. Желанной. Понимающей.

– Почему ты ничего не сказал?

– Это бы ничего не изменило, и ты это знаешь. Послушай, Сара, – сказал он, и гнев пылал в его голосе. – Может быть, я тот, кто сбился с пути...

– Я бы сказала – точно, а не может быть.

– Такие вещи не происходят в вакууме.

– Нет, они происходят в наполовину законченных домах. – Она чувствовала, словно ее ударили, и конца этому не было, не было законов, чтобы защитить ее от агонии, от унижения, от чувства холодной жестокости. Она издала горький звук, не вполне смех. – Полагаю, я знаю, куда делалась твоя эрекция. Я гадала куда. И разве это понравится твоим клиентам? Знать, что их дом использовали для того, чтобы ты трахал конюшенную девчонку.

– Мими не...

– Прекрати. – Она подняла руку, чтобы остановить его. – Не говори мне, что она не конюшенная девчонка, не шлюха, не разрушительница семьи. Не говори мне, что она Роберт Трент Джонс в дизайне арен. Не говори мне, какая она ласковая и понимающая.

– Почему? Потому что ты собираешься сказать мне, что ты понимаешь? Новая кровь – игра жеребца с кобылой – это еще не измена. Может быть, если бы ты была на ее месте... мы бы зачали новую жизнь.

– О, если бы ты была на ее месте, – сказала она. – Это классика. В любом случае ты мог прийти ко мне, поговорить об этом. Но я полагаю, тебе легче обвинять меня в своем выборе.

– Ну хорошо, я вижу, ты не готова осознать свою роль в этом деле.

– Мою роль? У меня есть роль? О боже. Ну, знаешь что? Я сейчас в центре сцены.

Он склонил голову.

– Отлично. Продолжай. Позволь мне насладиться этим. Не останавливайся на том, чтобы сокрушить «лексусом» почтовый ящик. Сделай самое худшее.

– Это твоя специальность. – Она парировала, зло польщенная, что он упомянул «лексус». – Что может быть хуже того, с чем я столкнулась вчера?

На мгновение Джек замолчал. Затем он сказал:

– Мне жаль.

Ну вот, подумала она, готовая вздохнуть с облегчением. В конце концов, небольшая сцена раскаяния.

Шагая по разбросанным по полу вещам, он прошел в главную комнату, руки засунуты в карманы халата.

– Сара, – продолжал он. – Мне жаль, что ты все так обнаружила. Что я не сказал тебе об этом раньше.

Обнаружила... сказал об этом... Минутку, подумала она. Это должны были быть извинения, разрешение кризиса. Фаза «мы сможем с этим справиться». Вместо этого он говорит ей, что это не было аномалией, минутным помрачением. Это продолжалось некоторое время. Живот Сары свело.

– Сказал мне что?

Он повернулся и посмотрел ей в глаза:

– Я хочу развестись.

«Поздравляю, – подумала она, заставляя себя выдержать его взгляд. – Ты только что пережила техничный нокаут». Но каким-то образом она удержалась на ногах. И все еще была спокойна.

– Предполагается, что это должна сказать я, – произнесла она.

– Мне жаль, что это причиняет тебе боль.

– Никакого раскаяния, Джек. Тебе жаль, что тебя поймали. Тебе жаль ранить мои чувства. А как насчет сожалений о том, что ты разрушил нашу семью? О, и тут еще зачатие. Как насчет того, что ты не сообщил мне о своем маленьком секрете до того, как я пошла на все эти страдания в связи с искусственным оплодотворением, а? Или ты собирался изменить свое мнение, если мне повезет и я забеременею?

– Боже, я об этом не думал. – Он провел руками по волосам.

– Ты не думал? Ты возил меня в «Решение проблем деторождения» месяц за месяцем, и тебе не пришло в голову спросить себя, хочешь ли ты этого?

– Ты так этого хотела, я не знал, как сказать тебе о своих сомнениях. Послушай. Я на некоторое время переберусь в другое место, – сказал он.

– Не будь смешным. Это твой дом. – Она жестом обвела шикарный дом, указывая на теплую, спокойную элегантность декора. Когда-то Джек назвал его домом ее мечты, но он никогда таким не был. Он был перепланирован, переобустроен, словно журнальная картинка. Она просто переехала сюда и распаковала вещи, как временный житель. Он был наполнен дорогими вещами, которые она не выбирала и которых никогда не хотела, – предметы искусства, подобранные со вкусом, коллекции, роскошная мебель. Глубоко в душе она знала, что это место, которому она никогда не принадлежала. Она представляла себя гостем отеля, покидающим шикарный номер.

Бросить все. Это была идея. Это не было решение, над которым она работала. Оно просто появилось в ее сознании. Предательство свершилось; следующим шагом будет уйти. Все так просто.

Или, думала Сара, она может остаться и бороться за него. Настоять на помощи, обдумать все, использовать то, что есть между ними общего, исцелиться вместе. Другие пары делают это, разве нет? Однако в глазах Сары все это выглядело ужасно утомительным. И холод, который она чувствовала внизу живота, казалось, содержал в себе ужасную правду. Он может быть тем, кто просит развода, но и она была той, которая хотела от него уйти. Когда все сошло с рельсов? Она не могла определить этот момент. Она обычно чувствовала себя

такой счастливой и ничего не хотела. Теперь она гадала, куда делась ее удача. Может быть, они с Джеком использовали все ресурсы, когда их космический наставник указал на рак.

– Это твоя жизнь, – сказала она ему. – Ты не можешь уйти от своей собственной жизни, Джек.

– Я просто имел в виду...

– Но я могу. – Вот. Она произнесла это, вызов брошен на землю между ними.

– Что это должно означать? – спросил он. – Куда ты пойдешь? Ты никого не знаешь.

Я хочу сказать...

– Я знаю, что ты хочешь сказать, Джек. Теперь нет никакого смысла прибегать к дипломатии, разве не так? Весь этот брак был выстроен вокруг твоей жизни, твоего родного города, твоей работы.

– Эта *работа* давала тебе возможность целыми днями сидеть дома и рисовать картинки.

– Ну, черт побери, я полагаю, что должна быть за это благодарна. Может быть, это был способ смириться с тем фактом, что тебя нет дома.

– Я не знал, что ты чувствуешь себя обиженной из-за того, что меня занимает моя работа.

– Ты вообще не знал, что я чувствую по поводу массы вещей. Например, по поводу твоей неверности. Если бы ты знал, что я чувствую на этот счет, ты, вероятно, бросил бы меня, *прежде* чем трахать кого-то еще.

Его мобильник зазвонил снова.

– Мне пора на работу, – бросил он и отправился одеваться.

Он показался из гардеробной несколькими минутами спустя и выглядел опрятным и начищенным, словно орел-скаут.

– Послушай, Сара, – сказал он. – Нам нужно справиться с этим. Смотри на вещи проще. Сегодня вечером мы еще поговорим об этом.

Она стояла у окна и смотрела, как его большой сияющий автомобиль исчезает на залитой дождем дороге. После того как он уехал, она осталась стоять там, глядя на серый день. Ее ум лениво работал, угнетенный разочарованием и медленно растущей яростью. Она перебирала в уме вещи, которые сказал ей Джек, и кое в чем признала его правоту: они так сосредоточились на желании иметь ребенка, что не заметили, как перестали хотеть друг друга.

Это было увечье, слишком часто используемое извинение неверности. А Джек был взрослым человеком. Это не извиняло того, что он сделал, и не придавало юридической силы его требованию развода.

Она глубоко вздохнула. Итак, что она должна делать: слоняться по дому весь день и ждать, когда он приедет домой и обуздает ее? Отличный план.

3

Пустая прерия, пересеченная прямыми дорогами, расстилалась, как громадная пустыня, перед бампером GTO. Это замечательно, думала Сара, как быстро городской пейзаж Чикаго уступил место широкому серо-белому раздолью унылой земли.

Под вечер ее мобильник проиграл мелодию. Это звонил Джек. Она ответила не поздоровавшись.

– Я уезжаю, – проинформировала она его.

– Не будь такой тупицей. Мы договорились поговорить об этом. – Голос Джека был хриплым от ярости и разочарования.

– Я ни о чем с тобой не договаривалась, но похоже, ты этого не заметил. – Когда он перестал ее слушать? – подумала она. И почему она этого не заметила? – Нам не о чем больше говорить.

– Ты шутишь? Мы едва начали обсуждать это.

– В следующий раз, когда я свяжусь с тобой, я обращусь к адвокату. – Как будто у нее был адвокат на этот случай. Она чувствовала себя такой обманщицей, говоря о «своем» адвокате. Но через день после того, как она застучала мужа с другой женщиной, у нее появилось ясное видение ее будущего – судебное разбирательство.

– Прекрати, Сара...

Она нажала на газ, чтобы миновать многоквартирный дом.

– Боже мой! – Голос Джека зазвучал громче. Он ей не верил. – Не говори мне, что ты забрала GTO.

– Именно так. Я не хотела говорить тебе. – Она выбросила телефон в окно. Это был глупый, детский жест. Бог знает что, ведь ей может понадобится мобильник.

Она остановилась в «Радио-Шак» и купила дешевый телефон – так, на всякий случай. Она купила его быстро и с ледяным спокойствием, словно делала это каждый день, словно и не чувствовала внутри нарастающей паники. Вокруг себя она воздвигла раковину, мозг, работавший как часы, делал каждый ее шаг бесстрастным и эффективным.

Это было похоже на то, как если бы она репетировала, как она бросает своего мужа, сотни раз до того. Упаковать сумку, взять CD со всей личной информацией, которая ей может понадобится, и со всей той темной музыкой, исполняемой грустными голосами, которую она могла слушать в дороге. У нее не возникло проблем с тем, чтобы собрать записи, – это было просто. Она точно знала, где что лежит. Одной из ужасных сторон болезни Джека было то, что им пришлось держать все свои вещи и документы в порядке. В их отношениях был кавардак, зато все их документы содержались в строгом порядке, включая ее отдельный банковский счет и право на GTO.

Она направлялась неизвестно куда и думала о том, что она оставила позади, – хрустальную лампу «Уотерфорд», например. И итальянскую кожаную софу, фарфор из Белека и соответствующие тарелки, набор кухонных ножей «Порше», телевизор с плоским экраном. Может быть, однажды она станет скучать по всем этим вещам, но пока ей не хотелось даже думать о них. Словно дикое животное в стальной клетке, она готова была отдать часть себя в обмен на свободу.

Сара остановилась заправиться в городке под названием Шанс. Она отправилась в туалет, чтобы переодеться, и обнаружила, что набила свой чемодан слишком большим количеством блузок и блейзеров и забыла о насущных вещах, таких как щетка для волос или пижама. Может быть, ей стоило уделить больше времени сборам в это свое путешествие. Но когда ты сбегаешь от разрушенного брака, у тебя в самом деле нет времени на покупки или планирование на сколько бы то ни было вперед. У тебя даже нет времени подумать.

Она провела по волосам расческой из сумочки, дернув пряди. Ее волосы были как бы в стадии между стрижками, не слишком длинными и не короткими. Джеймс утверждал, что любит, чтобы ее волосы были длинными и шелковыми, – он обычно называл ее «моя калифорнийская девочка».

– У вас есть свободные мастера? – спросила Сара женщину за кассой в парикмахерской Шанса в Иллинойсе.

– Что вы хотите, дорогая? – Хитер, парикмахер, оглядывала ее в зеркале.

Сара коснулась своих волос.

– Я хочу ритуально избавиться от человека, которым никогда не была.

Хитер ухмыльнулась, провожая Сару к стулу.

– Моя специализация.

Какое облегчение было положить голову в раковину, закрыть глаза и сдаться теплым струям из крана и кремовой текстуре шампуня. Знакомый запах салона успокаивал ее.

– Вы – натуральная блондинка, – заметила Хитер.

– Я пыталась покраситься в рыжий, но у меня ничего не получилось. Пробовала также разные оттенки коричневого. Я полагаю, мы всегда ищем чего-то другого.

– А сейчас? – Парикмахер закончила мыть голову шампунем, затем мягко и без усилий провела по волосам Сары.

Сара глубоко вздохнула и уставилась на свое отражение в большом круглом зеркале над прилавком. Отросшие волосы делали ее облик странным и незаконченным, она была похожа на цыпленка.

– Я думаю, короткие волосы – то, что нужно.

Она услышала щелканье ножниц и подумала, что решение бесповоротно. Прохладный ветер коснулся ее шеи, и легкость охватила ее, словно ничто не привязывало ее к земле.

В «Уол-Марте» в пригороде Давенпорта она купила велюровый костюм, чтобы спать в нем. Жакет на «молнии» и обтягивающие штаны были превосходной ночнушкой для ужасно выглядевшего мотеля с сонным клерком у стойки, которого разбудил звонок у кассы.

На границе штата она обратилась в магазин новых и подержанных автомобилей – такой огромный, что он занимал несколько акров.

За ГТО дали хорошую цену, более чем достаточную, чтобы купить более подходящий автомобиль. Она не жалела об этой машине и ничего не испытала, объясняя, что хочет продать его. Она дарила его Джеку с сердцем полным любви. Куда делась эта любовь? Неужели возможно, чтобы она просто исчезла?

Она стерла ее, словно ошибку в своих комиксах.

Вопрос был в том, какой автомобиль ей подойдет? Машина есть машина, способ добраться из пункта А в пункт Б. Но неожиданно ей показалось это имеющим значение. Если она не может выбрать себе собственную машину, как же она может надеяться выбрать себе собственное будущее?

За ней по пятам следовала тучная продавщица по имени Дорин. Она шагала, пытаясь не пропустить ни одного из комментариев, которыми Дорин награждала машины.

– Вот красота, – сказала она, указывая на ультраконсервативный «меркьюри-сэбл». – Это практически та же модель, которую я купила после развода.

Сара опустила голову и попыталась сопротивляться желанию спрятать ее в плечи. Неужели Дорин каким-то образом предположила, что она сбежала от мужа? Неужели она несет на себе печать стыда, словно алую букву на груди? Она почти что боялась Дорин. Но ей нужны были колеса, и они нужны были ей сейчас. В конце концов, подумала Сара, ей

не приходится иметь дело с парнем в спортивном жакете, благоухающим лосьоном после бритья.

Возникла небольшая пауза, когда телефон Дорин зазвонил. Она посмотрела на экран и сказала:

– Простите, боюсь, что мне надо ответить.

– Да, конечно, – согласилась Сара.

Дорин отошла в сторону и понизила голос.

– Мама занята. Что тебе нужно?

Сара замедлила шаг, словно для того, чтобы получше рассмотреть серебряный гибрид. На самом деле она смотрела на Дорин, которая в долю секунды превратилась из назойливой продавщицы в мать-одиночку. Слушая, как Дорин пытается разобраться в ссоре между детьми, Сара осознала, что бывают ситуации и похуже развода. Например, быть разведенной с детьми. Что может быть сложнее этого?

Ну хорошо, подумала она, Дорин получит у нее комиссионные. Она серьезней занялась поисками, но все автомобили казались одинаковыми – слабенькими, практичными, обыкновенными. Когда Дорин закончила разговор, Сара обратилась к ней:

– У вас здесь есть все автомобили на свете. И ни один из них не подходит.

– Почему бы вам не рассказать мне, что именно вы ищете? Вам нужен четырехколесный привод? Спортивный автомобиль?..

На парковке испарялась соль, отсвечивая в вечернем свете. Сара подумала о детях Дорин, которые ждут, когда она придет домой с работы.

– Я бросила мужа, – сказала она. Слова замерзли в воздухе, на мгновение напомнив реплику Ширил, вылетающую у нее изо рта. – И у меня впереди долгая дорога. – По какой-то причине это помогло ей рассказать незнакомой женщине правду. – Мне кажется, мне нужен подходящий автомобиль. Я хочу... Я не уверена. – Она обезоруживающе улыбнулась. – Может быть, я ищу волшебный ковер. Или «Читти-Читти Банг-Банг»³. С закрытым верхом и отличной звуковой системой.

Дорин ничем не выдала своих чувств.

– Смотрите, – кивнула она и посмотрела на свои электронные часы. – Нам нужно торопиться. – Теперь в ее голосе звучала уверенность. – Это не может длиться больше пяти минут.

Заинтригованная, Сара последовала за ней на парковку, где автомобили также были выставлены на продажу.

– На эту машину у нас записываются за год. Это состоявшаяся мечта одной женщины, но она продает ее, не попользовавшись и пары месяцев.

Они нашли механика под капотом сине-серебряной, самой аккуратной машинки, которую Сара когда-либо видела.

– У вас «мини», – сказала она.

Дорин просияла, словно гордая родительница:

– Моя первая. Это «Купер-С» с откидным верхом. Я уверена, что эта машина обещана главной персоне в листе ожидания, но... хи-хи... я просто, кажется, не могу найти этот лист, и не стоит беспокоить кого-либо в обеденный час.

Они обменялись заговорщицкими улыбками. Этот маленький автомобильчик, изготовленный в Британии, был очарователен, словно игрушка. Она практически могла слышать сейчас Джека с его аргументами, что «мини-купер» – это непрактично и небезопасно. Это прошлый век, он чересчур дорог и склонен к поломкам, сказал бы он.

³ «Читти-Читти Банг-Банг» – фантастический автомобиль из одноименной американской комедии 1968 года, поставленной режиссером Кеном Хьюзом.

– Он само совершенство, – сказала Сара Дорин. – Но я должна спросить, почему она его продает?

– Сразу после того, как она его купила, обнаружила, что ждет третьего ребенка. Сюда еще можно запихнуть семью из четырех человек, но пять – это уже чересчур.

«Зато полно места для меня и моего факса», – подумала Сара.

– У него автозамок, который устроен против воров. Однако у него нет он-стара, – признала Дорин.

– Все в порядке. Я никогда раньше не запирала ключи в машине и не планирую этого. Мне также не нужен навигатор. Я знаю, куда я направляюсь.

Часом позже она выезжала со стоянки. Машина была забита пожитками, и звуковая система ее не разочаровала. Она направилась на шоссе, выбрав правую сторону, и включилась в поток, направляющийся на запад. На средней полосе она неожиданно обнаружила себя зажатой парой машин, вздымавшихся, словно стальные стены, и готовых раздавить ее. Леденящий страх сдавил ее сердце. «Что, черт побери, я делаю?»

Сара сжала челюсти и ослабила акселератор, позволяя грузовикам проехать вперед. Затем она включила радио и погрузилась в песню. «Заткнись и веди» Риханны. Она пела с сокрушительным чувством утраты, которое странно мешалось с восторгом. Она пела о том, что оставила позади. О браке, в который она верила, но который больше не существовал. О надежде иметь ребенка, которая теперь была так же мертва, как ее любовь к Джеку. Об анонимной женщине, которая заказала «мини» и затем продала его, когда поняла, что ее жизнь радикально изменится.

Сара нашла первый из серии дешевых придорожных мотелей и теперь лежала, глядя в пустой потолок комнаты, и слушала звуки, доносившиеся с шоссе. Это было похоже на чью-то другую жизнь, думала она, кое-что, чего она вообще не осознавала.

Сара ехала на запад, ее новый автомобиль был похож на синюю мушку, пробирающуюся через прерии, через плантации люцерны и сухой пшеницы и глубокой изумрудно-зеленой зимней ржи. К тому времени, как она достигла Северного плато, Небраска, она сделала себе ужасное признание. Она давно не была счастлива. Дело не в том, что все пошло не так. Будучи униженно благодарной за возвращение Джека к жизни, она боялась даже помыслить о своем недовольстве. Это казалось таким эгоистичным и неблагодарным. Вместо этого она существовала в состоянии, которое не предполагает счастья. Джек был в порядке, у них был финансовый комфорт, они жили в прелестном доме в приятном соседстве, они пытались создать семью, чтобы доказать миру, что все хорошо. Но счастье?..

В этом-то и проблема, осознавала она, двигаясь в своем «мини» через горы к границе Калифорнии. Ты можешь притворяться изо всех сил, что ты счастлив, но недовольство проявит себя. Для Джека это были объятия другой женщины. Для Сары это было ее страстное стремление забеременеть.

– Так что пока ничего хорошего, – сказала она, обратив глаза к горизонту.

В ее последний день на дороге она проснулась на рассвете и проехала последнюю часть пути, через Папермилл-Крик через мрачный необитаемый лес Государственного парка Самюэля Дж. Тейлора, где высокие деревья арками склонялись над дорогой, создавая густую тень. Наконец она добралась до маленькой деревушки Гленмиур в западной части графства Марин, отдаленной и почти забытой, окруженной пустыней, такой блистательной, что она была защищена актом конгресса.

Вынырнув из зеленого сумрачного тоннеля, она проехала мимо катящихся зеленых холмов с фермами и ранчо, сквозь туманные долины к серой бухте, где старые доки боролись с туманом. Это было приблизительно настолько далеко, насколько она могла уехать сейчас от Джека.

В конце путешествия она обнаружила себя в местечке, где не жила со времен отъезда в колледж. Она проехала доки, где любила стоять, глядя, как растворяются во мгле бледные тени. Затем она подъехала к дорожке и припарковалась. Она вошла в дом, где она выросла, испытывая боль в шее и плечах после своего марафонского бега.

– Я бросила Джека, – сказала она отцу.

– Я знаю. Он мне звонил.

– Он мне изменял.

– Я знаю и это тоже.

– Он рассказал тебе?

Ее отец ничего не ответил. Он неловко обнял ее – между ними всегда существовала неловкость, – и затем она отправилась спать и проспала двадцать четыре часа.

4

Если бы Сара не была суеверной, она решила бы, что нанять адвоката по разводам по имени Брайди – плохая идея. Брайди Бонни Шафтер, если быть точной. Такое имя больше подошло бы порнозвезде, чем адвокату.

Она не была суеверной, и ее занимал только вопрос, помнит ли ее Брайди. Вероятно, нет. Она была на три года старше Сары – президент студенческого совета, капитан волейбольной команды и член «Кей-клуба» – вот немногие из ее ролей в те годы; ей не было дела для менее удачливых соперниц. Тот факт, что она была лучшей девушкой в школе, теперь стал в самом деле ценным качеством.

Сара была невидимкой для всех, кто что-либо значил в старших классах. Если сказать честно, она была невидимкой всю свою жизнь, пока не появился Джек.

Теперь она вспоминала почему. Было безопаснее оставаться вне зоны внимания. Она должна оставаться такой – не затронутой модными влияниями, глядящей, как мир идет своим чередом, рисующей частные наблюдения, забавляющейся вещами, которые она втайне ненавидела. Но нет. Она должна выйти в жизнь – и в любовь, словно она им принадлежит. Словно это было ее право.

Она поднялась и вышла в коридор, одарив секретаршу нервной улыбкой.

– Могу я предложить вам что-нибудь выпить? – предложила она.

– Нет, спасибо, – ответила Сара. – Я в порядке.

– Мисс Шафтер задержится всего лишь на пару минут.

– Я могу подождать.

Высокое створчатое окно было окружено пряничным профилем. Некоторые из стеклянных панелей, судя по их легкой замутненности, были оригинальными. Юридический офис Брайди занимал историческое здание в центре Гленмиура. С тех пор как Сара переехала, главная площадь едва ли изменилась. Это было скопище викторианских и деревянных готических зданий, оригинальных и новоделов. Старые здания были построены в девятнадцатом веке теми, кто пришел рыбачить на берега заброшенной бухты. Некоторые здания привлекали туристов, включая коттедж Мэй, частное здание на пляже, которое когда-то принадлежало прабабке Сары. Белое бунгало было так популярно, что для того, чтобы остановиться в нем, надо было записываться в очередь за несколько месяцев. Однако большинство туристов находило, что город, уходящий в никуда, слишком отдален и странен.

Когда не было тумана, район вокруг бухты Томалес был озарен светом, какого она никогда и нигде больше не видела. Интенсивный синий цвет неба отражался в воде. Спокойное море, в свою очередь, отражалось в пустыне, окружавшей бухту. И все это наверняка выглядело точно так же, как и пятьсот лет назад, когда сэр Фрэнсис Дрейк приплыл на своем легендарном «Голден Хинг», чтобы услышать приветствия раскрашенных членов племени миуок.

Сара провела руками по отлично сшитому блейзеру, чувствуя себя шикарно одетой. Люди здесь обычно одевались в простые вещи из натуральных тканей и почти домашние комфортабельные туфли. Но в ее гардеробе больше не было ничего такого. Джеку нравилось, когда она одевалась словно модель из каталога Неймана Маркуса, несмотря на то что работала дома, одна.

Когда они только поженились, она предпочитала рисовать за столом, одетая в выцветшую футболку Университета Чикаго и толстые шерстяные носки, с собранными заколкой волосами. «Это помогает мне быть креативной», – как-то сказала она ему.

– Ты можешь быть креативной в свитере и слаксах, – ответил он и подарил ей кашемировый кардиган за три сотни долларов, чтобы покончить с этим.

Она стиснула зубы и сосредоточилась на бухте в отдалении. К берегу подходил корабль, звук его двигателя, похожий на звук газонокосилки, наполнял воздух. Иногда туристов в город доставляли самолетами, но большая часть из них приезжала, чтобы забрать свежие устрицы и отвезти их в рестораны большого города. Сегодня в море были лодки, они двигались к горизонту. Ближе она видела плоскодонки, какие ее отец использовал триста шестьдесят пять дней в году, пока не передал бизнес своему сыну. Кайл, брат Сары, был настолько же традиционен, насколько она была странной, и превосходно подходил для того, чтобы возглавить семейный бизнес. Между тем их отец купил себе маково-красный «Мустанг-GT» с откидным верхом, нуждающийся в ремонте. Он щедро дарил автомобилю свое внимание, и тот занял постоянное место в автогараже Гленна Маунгера.

Вошла женщина и, тяжело дыша, направилась напрямик к кулеру с водой. Ее атлетическое тело было упаковано в блестящий черно-желтый спандекс. Обтягивающий грудь топ был покрыт спонсорскими логотипами. На шортах было написано: «Трек». На ней был аэродинамический шлем и очки от солнца. Круглые ботинки для велосипеда были явно неудобны при ходьбе.

Она выпила шесть чашечек у кулера и наконец повернулась к Саре:

– Прошу прощения. У меня обезвоживание.

– О! – Сара растерялась. – Ненавижу это ощущение.

– Брайди Шафтер, – сказала женщина, снимая шлем и очки. Под ними обнаружили копна черных волос и лицо фотомодели. – Вы Сара Мун.

Сара скрыла свое удивление. Она ожидала, что Брайди больше изменится со времен окончания школы.

– Это так.

– Я тренируюсь к триатлону, так что у меня сейчас почти сумасшедший график. – Она открыла дверь, на которой было написано: «Бернадетт Бонни Шафтер, адвокат».

Сара вошла в кабинет.

– Дайте мне две минуты, – сказала Брайди.

– Пусть будет пять, – ответила Сара.

– Вы просто милашка. – Она скрылась за боковой дверью. Сара услышала звук льющейся воды.

Вид Брайди в ее спортивном костюме не слишком соответствовал профессии адвоката, зато офис выглядел безупречно: дипломы в рамках и сертификаты должны были внушать уверенность клиенту в том, что он сделал правильный выбор. Брайди получила степень бакалавра в USC⁴, а диплом юриста – в штате Сан-Диего. У нее было бесчисленное количество наград и золотые тисненые грамоты из обеих школ. Она была членом Ассоциации адвокатов штата Калифорния.

Темные полки являли собой стену ее славы. Похоже, Брайди вращалась в самых высших кругах. Там были ее фотографии с губернатором и Дайаной Фейнштейн, Лансом Армстронгом и Брэнди Кастэйном. Там был снимок Брайди с Фрэнсисом Фордом Копполой на фоне его винного завода и еще одна с Робинот Уильямсом – прибрежное шоссе виднелось на заднем фоне.

Фотографии в рамках были расположены и на большом дубовом столе рядом с более личными снимками. Там были изображения Цветочной фермы Боннеров, которая, как помнила Сара, была основана родителями Брайди. На другом фото Брайди стояла рядом с мужем, Эллисоном Шафтером, который, как сообщил отец Сары, был пилотом национальных авиалиний.

⁴ USC – University of Southern California – один из ведущих американских университетов, с лучшими в стране программами бакалавриата.

Там также была фотография брата Брайди, Уилла. И Сара подумала, что или это старое фото, или он мало изменился. И тут же в голове Сары голос Ширил спросил: «С чего тебе меняться, если ты и так само совершенство?»

Из всех учащихся старших классов лучше всех она помнила Уилла Боннера. И в этом была ирония, потому что он вряд ли помнил ее имя. Ее удивило, что фотография в рамке пробудила воспоминания, о которых она и не подозревала.

Стоя здесь, в незнакомом кабинете, где старинный сосновый пол скрипел у нее под ногами, она изумлялась, что старые сожаления всплыли откуда-то из глубин ее души на поверхность. Ее жизнь с Джеком навела глянец на ее прошлое. Может быть, поэтому она и вышла за него замуж. Он увел ее от людей, от этих людей.

Теперь, когда его больше нет рядом, ничто больше не стоит между ней и ее старыми воспоминаниями. И она упала в прошлое, как Алиса в кроличью нору.

С враждебностью она посмотрела на фотографию Уилла Боннера. Он ухмылялся ей в ответ. Он был в том же классе, что и Сара, но он был не таким, как она, – великолепный парень из старших классов – отличный атлет, благословенный всеамериканской привлекательностью. Его черные волосы и вечно подмигивающие глаза заставляли ее слабнуть в коленках, когда он смотрел на нее. Но вряд ли он в самом деле смотрел на нее. Сара боролась со своими комплексами неудачницы единственным доступным ей способом. В подпольной книге комиксов, которую она печатала в школе на старой ротационной машине в подвале, она рисовала Уилла Боннера в качестве пустого, бестолкового, накачанного стероидами мальчишки. Он, вероятно, не замечал ее горьких стараний, но это заставляло ее чувствовать себя... не то чтобы лучше... но во всяком случае не чувствовать себя жертвой.

Нет сомнения, что он и не подозревал, что она сидела прямо перед ним на уроках английского все четыре года или что она делала с него скетч за скетчем, оправдываясь перед собой необходимостью практики для подпольных комиксов. Боннер обращался с ней как с предметом мебели.

Годы, прошедшие после школы, принесли во всяком случае одну большую перемену, думала Сара. На фото он держал на руках темноволосого ребенка, уткнувшегося лицом в его широкое плечо. Некоторые парни странно смотрятся с детьми, словно участники «Фактора страха». Другие, как Уилл Боннер, выглядят спокойно и естественно, уверенно.

В других обстоятельствах Сара, возможно, задала бы массу вопросов о своем школьном предмете страсти. Однако не теперь. Теперь она должна объяснить Брайди свою ситуацию и решить, что делать дальше.

С усилием отведя взгляд от фотографий, она заставила себя спокойно ждать. Шок оттого, что она рассталась с Джеком, еще не прошел, она была словно солдат с оторванной рукой, глядящий бессознательно в пустое пространство. Позже, думала она, придет боль. И это будет что-то, чего она никогда не испытывала раньше.

На стене висел список, как специальное меню в ресторане или список услуг в косметическом салоне, только там упоминались юридические вопросы, а не стрижки для волос – семейное право, иммиграция, завещания и дарственные, законы о стариках. Сару охватили мрачные предчувствия. Может ли она позволить себе адвоката? Она подозревала, что эти услуги не будут простыми. Или дешевыми.

Однако она не могла позволить, чтобы деньги – или их недостаток – стали у нее на пути. Она должна изменить свою жизнь. Начиная с этой минуты.

– Благодарю за ожидание. – Брайди вошла в кабинет. Она сменила свой блестящий велосипедный костюм на нечто более привычное – некрашеный хлопок, сабо, никакого макияжа и открытое выражение лица. На Брайди это выглядело совершенно естественно. Ей шел натуральный стиль, и она это знала.

Однако при виде ее, такой искренней и по-человечески доступной, Сару встревожила мысль о том, что стало с самой шикарной девушкой из школы. Не стала ли она слишком мягкой, тогда как Саре нужен жесткий юрист? Она нуждается в юристе, который защитит на процессе ее интересы.

– Нет проблем, – отвечала Сара. – Спасибо, что нашли время так быстро со мной увидеться.

– Я рада, что могу поработать с вами.

Ее прервал короткий звук интеркома.

– Прошу меня простить, миссис Шафтер, – сказала секретарша. – Но это срочно. Уэйн Боот из «Коастал Тимбер».

Сара двинулась было к двери, но Брайди махнула ей рукой, чтобы она вернулась, подняла трубку и сказала:

– Это на минутку. – И тут произошло перевоплощение. Брайди встала, отведя назад плечи. – Уэйн, я уже дала тебе ответ моего клиента. Если это твое последнее и окончательное предложение, нам лучше обратиться в суд. – Она сделала паузу, и злой голос что-то проговорил ей. – Я прекрасно понимаю, но я уверена, что ты понимаешь тоже. Мы здесь не в игры играем...

Сара видела, как мягкая, приветливая женщина в мгновение ока превратилась в жестокого профессионала и, возражая юристу из главной юридической компании, добилась своего, а затем спокойно положила трубку. Когда она снова обратила внимание на Сару, вновь была спокойна и невозмутима, словно никакого разговора по телефону и не было. Сара поняла, что нашла подходящего адвоката. Скромная девушка показала зубы.

Они пожали друг другу руку и уселись, Сара в удобный высокий стул, а Брайди за свой стол. Сара сделала глубокий вздох и взяла быка за рога:

– Я только что приехала из Чикаго. Я бросила мужа.

Брайди кивнула, выражение ее лица выражало мягкую симпатию.

– Мне очень жаль.

Сара не могла говорить. Брайди подвинула ей коробку салфеток, но Сара не обратила на нее внимания. Она крутила на пальце свое обручальное кольцо. Она должна была бы его снять, но оно было от Хэрри Уинстона, три карата, и она не могла придумать надежного места, куда бы его спрятать.

– Это случилось недавно? – спросила Брайди.

Сара кивнула:

– В прошлую пятницу. – Часы в автомобиле показывали 17.13, когда она мчалась из конюшен Шамрок-Даунс, от Джека и Мими Лайтфут и от всего, во что она верила. Сколько женщин пережили ту ужасную минуту, когда их брак развалился на части?

– Вы в безопасности? – спросила ее Брайди.

– Простите?

– Я должна знать, что вы в безопасности. У вас были инциденты домашнего насилия?

– О! – Сара оперлась на спинку стула. – О боже, нет. Ничего подобного. – Это правда, она чувствовала себя так, словно ее изнасиловали, но это не было то, о чем можно сообщить в полицию. – Он был мне неверен.

Брайди посмотрела на нее пристально:

– Тогда вам нужно пройти тесты.

Сара тупо смотрела на нее, не веря своим ушам. Тесты. Затем до нее дошло. Тесты на венерические болезни, на СПИД. Сукин сын.

– А, да, конечно. Вы правы.

Холодный шар страха сформировался в ее кишках. Осознание того, что он подвергал ее физической опасности, добавило свежего ужаса предательству.

– Простите. До этой минуты мне это не приходило в голову. Я все еще не могу поверить, что Джек сделал это.

– Джек. – Брайди открыла ноутбук на своем столе. – Я собираюсь сделать кое-какие заметки, если вы не возражаете.

– Конечно. Это все для меня так ново.

– Нужно время. Итак, официальное имя вашего мужа?..

– Джон Джеймс Дэйли, – сообщила Сара. – Я оставила после свадьбы девичью фамилию.

– И это было...

– Мы поженились пять лет назад, в конце июня 2003-го. Я встретила с ним в Университете Чикаго, и мы поженились сразу по окончании учебы.

Брайди кивнула:

– «Бэй беакон» дала прекрасную фотографию и маленькую статью об этом.

Сара удивилась, что Брайди заметила фотографию и запомнила это, но, может быть, это было из-за того, что жизнь в маленьком городке была скудна на события. Местная газета, которая выходила два раза в неделю, всегда рассказывала о мелких происшествиях – свадьбах и рождениях, о погоде, дорожных работах и школьных спортивных соревнованиях. Когда она была старшеклассницей, Сара делала кое-какие карикатуры для «Бэй беакон», но редактор считал их слишком нервными и противоречивыми. По иронии судьбы ее рисунки вызывали веселье у издателей в большом городе, их наперебой расхватывали магазины и газеты, видя в них неиспорченность жителей национального морского берега.

– Я не видела статьи, – ответила Сара. – Мы живем... я хочу сказать – я жила в Чикаго. – Она покрутила обручальное кольцо на пальце. – Я бы хотела, чтобы мы приезжали чаще, но Джеку никогда не нравилось приезжать сюда, и время шло. Я должна была настаивать. Боже, я чувствую себя такой неудачницей.

– Давайте договоримся об одной вещи. – Брайди сложила руки на столе.

– Что такое?

– Вы не должны оправдываться передо мной. Я здесь не для того, чтобы судить вас или что-то вроде этого. Я не собираюсь критиковать ваш выбор, оскорблять вас или сообщать детали вашей интимной жизни посторонним людям.

Лицо Сары вспыхнуло от стыда, потому что она поняла, на что намекает Брайди. Когда Брайди училась в старших классах, ей уменьшили грудь. Это не было тайной, с номером «Д» она больше не могла ходить без бюстгалтера. Сара нарисовала это в своих подпольных комиксах. Почему бы не повеселиться над самой крутой девушкой в школе? Теперь Сара сжала руки на коленях.

– Я сожалею о школьных комиксах.

– Не стоит. Я полагала, что они забавные.

– В самом деле?

– Да, что-то вроде этого. Возвращаясь в прошлое, я вообще любила все, что рассказывало обо мне. Я была ужасной в школе, с сиськами или без них. Честно говоря, мне нравилось внимание, которое уделялось мне в комиксах. Это было давным-давно, Сара. Давайте надеяться, что мы обе изменились.

– Я все еще рисую, – призналась Сара. – Но теперь я черпаю вдохновение в собственной жизни, а не в жизни других людей.

– Это хорошо. – Брайди покачала головой. – Некоторые люди проводят всю жизнь в сожалениях из-за того, что было с ними в школьные годы. Я всегда гадала почему. Старшие классы – это всего четыре года. Четыре плохих года жизни, которые могут отравить целый век. Почему люди так сосредоточены на этих недолгих годах?

– Хороший вопрос, – спокойно ответила Сара.

Брайди вытащила лист из принтера на возвышении за столом.

– Это наше соглашение. Я хочу, чтобы вы внимательно прочитали его и дали знать, если у вас возникнут какие-то вопросы.

Лист был покрыт сплошь юридическими терминами, и у Сары сжалось сердце. Последнее, что ей хотелось делать, – это продираться через все это. Но теперь она была самостоятельна, и ей следовало позаботиться о себе. Она изучила первый параграф, и у нее в глазах зарябило.

– У вас нет варианта «Ридерз дайджест» для всего этого?

– Это все очень просто. Читайте столько времени, сколько вам понадобится. – Она подождала, пока Сара прочтет документ, к которому у нее не возникло никаких вопросов, не считая того, что все это дело будет стоить ей кучу денег. Она подписала соглашение и поставила внизу дату.

– Готово, – сказала она.

– Тогда начнем. Не возражаете, если я запишу это интервью?

– Думаю, что нет. А о чем мы будем говорить?

– Мне нужна вся история в подробностях. Все, с самого начала.

Сара взглянула на старомодные часы на стене:

– У вас еще назначены на сегодня встречи?

– У меня столько времени, сколько нам понадобится.

– Он в Чикаго, – сказала она. – Могу ли я остаться здесь и развестись с ним, если он в Чикаго?

– Да.

Развестись с ним. Она в первый раз на самом деле произнесла это вслух. Слова срывались с ее губ, хотя она их не понимала. Это звучало как фраза на иностранном языке. Она произносила слова, словно странные конструкции. *Развестись с ним.*

Развестись.

– Да, – повторила она. – Я хочу развода. – И тут она почувствовала себя больной. – Это звучит так, как будто я хочу сама себя выпотрошить. Вот как я себя чувствую.

– Мне очень жаль, – сказала Брайди. – Это никогда не бывает легко. Но одно я могу сказать вам: даже если утрата причиняет боль, она также создает новое пространство вашей жизни, новые возможности.

Сара сосредоточила взгляд на окне, где мимо проплывали воды бухты Томалес.

– Я никогда не собиралась оставаться в Чикаго, – продолжила она. – Никогда не могла привыкнуть к его ужасной погоде. После окончания университета я собиралась жить в Сан-Франциско или Лос-Анджелесе, работать для газет, пытаясь одновременно издавать комиксы.

А потом я встретила Джека. – Она сглотнула и сделала глубокий вдох. – Вся его семья занимается строительством. Он получил контракт у университета построить новое крыло для коммерческо-художественной студии, я была в студенческом совете и должна была найти подходящего дизайнера.

Она почувствовала, как улыбка тронула ее губы, но совсем легкая.

– Студенты набросали ему самых сумасшедших идей, и Джек рассказал нам, почему эти планы не сработают. Я нарисовала серию сатирических карикатур для студенческой газеты об этой ситуации. Когда Джек их увидел, я думала, он разъярится. Вместо этого он пригласил меня на свидание.

Она прикрыла глаза, желая, чтобы воспоминания не были такими болезненными. Но боже, он был очарователен. Симпатичный, и забавный, и добрый. Она обожала его с самого начала. Частенько она гадала, что он в ней нашел, но не осмеливалась спросить. Может быть, ей следовало спросить. Она открыла глаза и уставилась на свои сплетенные пальцы.

– Семья приняла меня с распростертыми объятиями. Они обращались со мной как со своей новой дочерью. – Она все еще помнила чувство удивления от исторического здания в тенистом окружении, где семья Джека жила много поколений. – Вы должны понять, для меня это было огромной удачей. После того как умерла мама, мой отец, брат и я остались совсем одни. Было так хорошо снова очутиться в настоящей семье. Джек вырос в одном месте и имел друзей еще с детского сада. Так что я просто... шагнула в уже готовый мир. Казалось, это не составляет никакого труда. Я полагаю, что с самого начала была влюблена в него и на третьем же свидании изменила свои планы на будущее.

Теперь, когда она могла оглянуться назад, она видела, что влюбленность для нее была формой выживания. Она потеряла мать и дрейфовала в открытое море. Джек – и все, что за ним стояло, – было твердой стеной, к которой можно было прислониться, нечто, во что она могла вцепиться изо всех сил и оказаться в безопасности.

Где-то в отдалении прозвучала сирена – хриплый голос заводимого мотора пожарной машины. Рот Сары пересох. Она встала, подошла к кулеру и налила себе две чашки воды. Вернувшись обратно к Брайди, она на мгновение потеряла ориентацию, присела и отхлебнула воды.

– Плакать – совершенно нормально, – сказала Брайди.

Сара представила себя снова плывущей в открытое море, словно Алиса в Стране чудес, тонущая в собственных слезах.

– Я не хочу плакать.

– Вы будете.

Сара глубоко вздохнула и отхлебнула еще воды. Ей не хотелось плакать, хотя чувство утраты было сильным. Она осознала, что потеряла гораздо больше, нежели просто мужа. Свою готовую семью и друзей. Свой дом и свои вещи. Свою собственную идентификацию в качестве жены Джека.

– Мы поженились в Чикаго, – сообщила она Брайди. Свадьба была немножко кривобойкой, друзья жениха превосходили друзей невесты в пропорции десять к одному, но Сара не беспокоилась. Люди обожали Джека, и она этим гордилась. Она считала, что ей повезло, что она нашла готовую группу друзей и полную теплоты семью. «Никаких больших сборищ, – сказала она ему с благодарной улыбкой. – Мы отправляемся в медовый месяц на Гавайи». – Мне никогда не нравились Гавайи, но Джек думал, что нравятся.

Итак, она не видела правды. Она едва начала понимать, как обстоят дела, сейчас, но во всяком случае начала понимать. С того момента, как она встретила Джека, она была планетой, вращающейся вокруг его солнца, отражением его света, но у нее ничего не было своего. Ее желания и нужды определялись его желаниями и нуждами, и ей казалось, что это превосходно. Они жили в этом мире, делали то, что он хочет, и стали парой согласно его, а не ее взглядам.

Иногда она выступала с предложениями: что, если вместо Гавайев поехать на остров Макина? Или в Шато-Фонтенс в Квебеке? Он обнимал ее и говорил: «Да, точно. Это Гавайи, детка. Коуабунга». И так это продолжалось. Она обнаружила, что слушает музыку кантри, которая ее раздражала, и учится не засыпать после игры «Уайт-бокс».

– И дело в том, – сказала она Брайди, – что я была счастлива. Я любила нашу совместную жизнь. Что, наверное, просто сумасшествие, потому что ничего такого в жизни я бы сама не выбрала.

– Это была ваша жизнь, – напомнила ей Брайди. – Тот факт, что она вам нравилась, – это благословение. Сколько людей день за днем живут жизнью, которую ненавидят?

Сара резко посмотрела на нее. Она заподозрила, что риторический вопрос был вовсе не риторическим и относится к самой Брайди.

– Так что большая ирония заключается в том, что случилось после, – сказала Сара. – После сказочной свадьбы и медового месяца, который был просто как мечта, он захотел иметь настоящую семью. На этот раз я встала в позу. Я настаивала на том, чтобы подождать год-два, – в конце концов, я планировала сфокусироваться на своей карьере, так что я боролась за то, чтобы некоторое время контролировать рождаемость.

– Это двадцать первый век, – напомнила ей Брайди. – Я не думаю, что кто-то станет поднимать брови при мысли об этом.

– Дело не во времени. Я думаю, что это единственное решение в нашем браке, которым я по-настоящему обязана себе. Этот выбор принадлежал мне, и мне одной.

– Кто говорит, что в этом есть ирония?

– Это решение едва не убило Джека.

5

За сорок минут до окончания дежурства Уилла Боннера прозвучал вызов: «Батальон! Пожарные и скорая помощь, на выезд!», следом прозвучал сигнал тревоги. Уилл немедленно сообразил, что к чему, переговорил с Глорией по громкоговорителю и вытащил билет из принтера. После многих лет рутины он срывался с места, не делая никаких лишних движений. Он дернул рубильник, выскакивая из кабинета, отключая напряжение. Затем, меньше чем через минуту, он был уже за дверью, в мгновение ока покрыв необходимое расстояние. Это была жизнь пожарного: в одну минуту ты смотришь повтор «Пейтон-Плейс» на канале мыльных опер, а в следующую – проверяешь карту, натягиваешь спецодежду и всовываешь ноги в ботинки.

Городок Гленмиур имел пожарную команду с 1992 года и экипаж из капитанов, инженеров и волонтеров. Пока Глория Мартинес, инженер, заводила двигатель, а волонтеры собирались на станции, Уилл и Рик Макклюр, один из волонтеров, прыгнули в патрульную машину и помчались к месту возгорания. Это была проблема с неспецифическими рапортами, как тот, который пришел сейчас. Кто-то позвонил и сказал, что он видит дым. В таком случае «вон туда» считалось кардинальным направлением.

Местные несерьезно относились к пожарам в этой части городка. Легендарный пожар Маунт-Вижн девяносто пятого года оставил пейзаж, украшенный скелетами обожженных деревьев, разрушенными домами, лугами, покрытыми сожженной травой, которая еще долго оставалась такой после бедствия.

Когда он направился на безымянную дорогу, обозначенную «Ветка 74», он обзрел горизонт в поисках пламени или струящегося дыма. Хотя он сфокусировался на поисках, в его сознании мелькнула мысль об Авроре. Сегодня он поздно приедет к обеду. Вчера он пропустил в ее школе день карьеры.

– Ничего страшного, – сказала она ему. – Все было точно так же, как в прошлом году.

– Я пропустил и в прошлом году.

– Как я уже сказала, там все время одно и то же.

В тринадцать лет его приемная дочь имела острый язычок и безудержную страсть к журналам для подростков, которые она слишком много времени читала, по мнению Уилла. Когда она была маленькой и он оставлял ее, отправляясь на дежурство, она устраивала истерики и умоляла его не ходить. Теперь ей было тринадцать и она была одновременно свободной и хрупкой и саркастически отзывалась о его отсутствии.

Уилл предпочитал приступы гнева, если бы у него был выбор. Во всяком случае, она выражалась прямо, и гнев быстро проходил. Быть отцом и дочерью было нетрудно, хотя их и не связывала родная кровь. Уилл любил быть ее отцом, и, когда мать Авроры ушла, ничего не изменилось. Это только усилило его преданность ей.

Для одинокого родителя работа капитана была смесью проклятия и благословения. Согласно графику он мог проводить с ней достаточно долгое время, однако и отсутствовал так же долго. Когда он был на дежурстве, она оставалась с родителями Уилла или иногда с тетей Брайди и дядей Эллисоном. Это выручало его долгие годы и было одной из причин, по которой он оставался в Гленмиуре. Без его семьи растить Аврору было бы невозможно. Его родители считали привилегией и радостью заботиться о ней – милая, умная и красивая девочка, которая вошла в их жизнь словно ранняя весна. Теперь, когда ей было тринадцать и характер ее начал портиться, он гадал, не слишком ли трудно им стало с ней управляться.

Но если бы он только посмел предположить это, его семья решила бы, что он сошел с ума. Его родители, у которых была ферма цветов, искренне верили в кармический баланс и в идею, что жизнь никогда не дает человеку больше того, что он может вынести.

Уилл заметил черный столб дыма, поднимающийся над знакомым коньком крыши рядом с деревушкой Сан-Джулио, затем передал Глории точные координаты и поспешил к месту пожара. Он не был уверен в том, чье это владение, копны сена и люцерны. Никакого жилья поблизости, но амбар весь охвачен огнем. Он припарковал машину, оставил ключи в зажигании на случай, если машина понадобится. Рик припарковал другую машину в некотором отдалении и подбежал к Уиллу, который уже осматривал район. Боковым зрением он увидел движущуюся тень и повернулся вовремя, чтобы заметить дворовую собаку.

Он видел ее здесь раньше, метис колли черно-белого окраса. Вид Уилла и Рика в их шлемах и костюмах пожарных заставил ее мчаться от них со всех ног.

– Надеюсь, черт поберет, что амбар использовался для сена, а не под жилье, – прокричал он Рiku.

– Я тебя слышу? – Рик, молодой волонтер, только после курсов, не без страха смотрел на горящее здание.

– Я собираюсь обыскать помещение, – сказал Уил, напомнив себе, что не так давно он был такой же зеленый, как Рик Макклюр. К тому времени, как прибыла пожарная машина, Уилл надел маску, хотя и не опустил ее на лицо. Он надеялся, что ему не будет нужды лезть в пламя.

Он обошел здание по периметру, подготавливая рапорт для своего батальонного командира. Отметил хороший признак – он не слышал никакого блеяния пойманного в ловушку скота. Такого рода вещи остаются в душе пожарника. Спасать было некого, а их цель не спасение здания, оно сгорит, как трут. Им нужно погасить огонь, чтобы он не распространился на окружающие поля.

План был такой: сбить пламя сквозь большие панельные двери по бокам. Уилл передал по радио задание экипажу пожарной машины. Пока пожарные в шлемах раскатывали рукав, он знаками показал Рiku открыть дверь и быть готовым приступить к делу с портативным огнетушителем. Целью их было сбить пламя – пока не обрушился весь дом – до того, как пожарные подтянут рукав. Тогда с фасада здания можно будет сбить пламя. Жар был сильный, как они и ожидали. Когда Уилл был новобранцем, это выбивало из него всю дурь – жар, обдувающий его лицо, и невидимые силы, словно молоты стучавшие в голове, как на рок-концерте.

Огонь был в последней стадии, языки пламени пробивались сквозь дым. Он услышал свист и подумал, что его баллон с воздухом покрылся пузырями из-за жара. Похожий на собор высокий амбар в нордическом стиле купался в неверном свете, сложенные скирды сена пылали, словно гигантский погребальный костер. «Я в порядке, – сказал он, как всегда делал в подобных ситуациях. – Я в порядке». В уме он вызвал образ Авроры – его главной причины, чтобы остаться в живых.

* * *

Брайди подошла к окну и опустила его, чтобы слышать звук далекой сирены. Затем она снова села и положила руки на стол.

– Сара, я не понимаю. Почему вы говорите, что ваше решение отложить рождение детей едва не убило вашего мужа?

– Если бы я согласилась забеременеть сразу, как хотел Джек, мы бы раньше узнали, что у нас есть проблема. – Сара прочистила горло. – Насколько подробно вам нужна эта история?

Брайди, казалось, поняла.

– Пока можете не тревожиться о деталях. Разве что вы думаете, что эта информация нужна, чтобы я помогла вам.

В каком-то смысле Сара понимала, что ей придется открыть самые интимные детали ее брака, открыть их, словно незалеченную рану, чтобы оголить нервы. Она знала о разводах достаточно, чтобы понимать, что это часть процесса. Однако от этого знания было не легче. Выражать личную боль в своих комиксах было одно, но обсуждать ее в открытую – совсем другое.

– Постепенно я захотела детей так же сильно, как и он. Казалось, мы оба обладаем хорошим здоровьем. Так что, когда за целый год я не смогла забеременеть, мы стали проверяться. По некоторым причинам мы ожидали, что что-то не в порядке со мной, а не с ним. – Оставив в покое обручальное кольцо, она взяла ручку со стола и крутила ее в пальцах.

– Я думаю, это совершенно обыкновенное допущение, – сказала Брайди. – Не представляю почему, но это так.

Когда они выяснили, что с Сарой нет проблем в смысле деторождения, Джек согласился пойти провериться к своему дяде, урологу. Сара была готова услышать сообщение о низком уровне спермы, или плохом движении сперматозоидов, или замедленной подаче спермы. На самом деле тесты выявили кое-что куда более ужасное.

– Рак яичек, – сказала она Брайди. – У него были метастазы в лимфоузлы, в живот и легкие.

Мнение онколога было обнадеживающим.

«Статистика и планирование не даст этому развиваться. Бороться со всем, что у нас есть, – вот чем мы займемся», – сказал доктор. Джек был также удачлив, потому что у него были семья и друзья, которые его поддерживали. Его родители и братья с сестрами окружили его заботой, когда выяснился диагноз. Люди, которые знали его с детского сада, приходили его навестить, поддержать, и их добрые пожелания были, казалось, бездонным колодезем поддержки.

– Вы должны понять, – сказала Сара Брайди, – когда что-то такое случается, весь мир останавливается. Вы теряете все. Это как вступить в армию, и болезнь – ваш строгий сержант. Мы сразу же начали лечение, агрессивное лечение. Его возраст и хорошее здоровье позволили применить самые тяжелые методы.

– Интересно, что вы сказали «Мы начали лечение», а не «Джек начал лечение».

– Мы были командой, – объяснила Сара. – Болезнь заполнила каждый момент нашей жизни, бодрствовали мы или спали. – Она снимала и надевала колпачок ручки, снимала и надевала. – В самом деле, я не знаю, важно ли это сейчас или нет, – мы позаботились об одной маленькой детали, прежде чем начать лечение.

– И эта маленькая деталь была...

– Это было предложение доктора. Мы с Джеком были в панике, чтобы думать об этом. Джеку посоветовали заморозить сперму. Лечение могло вызвать бесплодие, так что это было предусмотрительно. – Она слегка улыбнулась. – Джек всегда стремился добиваться всего. Он запас столько спермы, чтобы населить целый город. И до последней недели это была история со счастливым концом. – Более или менее, думала она. Представление Джека в банке спермы было куда более продуктивным, чем представления в их спальне.

– Простите, я должна прояснить. Вы были его главной поддержкой во время лечения?

– Финансово – нет. К счастью, Джек и его семья люди чрезвычайно состоятельные. Я едва ли сделала карьеру.

– Комиксы, которые вы упоминали раньше?

Взволнованная, она продолжала крутить в руках ручку.

– Да, они называются «Просто дыши».

Брайди откинулась на спинку стула.

– Звучит потрясающе, Сара. В самом деле.

– Было бы лучше, если бы я взялась за что-то, чтобы зарабатывать себе на жизнь. В настоящее время я работаю на себя, что означает куда больше работы, но и больше независимости и больше денег. Когда Джек был болен, я отказалась от этой работы и делала рекламу и поздравительные открытки, однако никогда не переставала рисовать комиксы. На самом деле в самые тяжелые дни лечения я сделала свои лучшие работы. Но я не могу честно сказать, что вложила в его болезнь деньги, те, о которых стоило бы говорить.

– Как насчет моральной и эмоциональной поддержки? И заботы о нем?

– Я делала вещи, на которые, как я думала, не способна. – Она замолчала, в удивлении чувствуя те самые эмоции, которые она испытывала в бесконечные тяжелые ночи после химиотерапии, когда даже любви и молитв не было достаточно, чтобы утешить его, когда она обнимала его, когда его трясло от холода, когда она стирала его рвоту и меняла ему постель, пока он стонал в агонии. – Я расскажу вам детали. Но точно могу сказать, что это было ужасно и каждый, кто попытается отрицать, что я оказывала ему поддержку, – лжец.

– А счастливый конец?

– До того как все это случилось, я бы сказала вам, что наш счастливый конец наступил в тот день, когда мы обнаружили, что рака больше нет и лечение больше не нужно. Я полагаю, не бывает таких вещей, как счастливый конец. Жизнь, черт возьми, слишком сложна для этого. Ничего не кончается. Все просто меняется. – Она посмотрела вниз, увидев, что совершенно раскрутила ручку.

Брайди сложила руки на столе и притворилась, что не заметила.

– Итак, в какой момент вы заподозрили, что ваш брак в опасности?

Сара пристыженно сложила сломанные части ручки на стол – футляр, стержень, колпачок.

– Это было последнее, о чем я думала. Последнее, чего я ожидала. Я была так полна благодарности и восторга от выздоровления Джека, что ничего не видела. Я тогда поклялась себе и Джеку, что готова создать семью. Более чем готова. Глупо было откладывать что-то, чего ты хочешь. Жизнь слишком коротка. В то время я не думала, что попытка забеременеть будет такой отчаянной. Я думала, мы станем счастливой семьей с ребенком, что мы магическим образом станем счастливой семьей. – Она аккуратно вставила стержень обратно в ручку. – Мы пробовали оба способа.

– Оба способа?

– Естественный и искусственное оплодотворение. После лечения у Джека появились хорошие шансы на деторождение, так что у нас обоих были большие надежды. Но... во время его болезни между нами почти не было интимности. Он не мог этого вынести и время от времени пытался. – Сара скрутила обе части ручки вместе. – Он все еще утверждал, что хочет нормальную семью. На самом деле это была его идея – прибегнуть к лечению и к искусственному оплодотворению. Недостаток нашего успеха в этом деле впоследствии мог быть благословением, я полагаю. Родить ребенка во время его болезни было бы просто ужасно. – Кнопка ручки не работала. Ей пришлось разобрать ее, чтобы попытаться снова.

Сара начала понимать, что трещина в их отношениях появилась задолго до того, как она ее почувствовала. Она только расширялась и вышла из-под контроля к тому времени, когда на горизонте появилась Мими Лайтфут.

– После болезни, – сказала она, – я продолжала напоминать себе, что я в посттравматическом состоянии. Мы оба были такими. Так что каждый раз, когда во время овуляции я ходила в клинику искусственного зачатия, Джек справлялся с травмой по-своему. Я не знаю, когда он связался с Мими Лайтфут, но думаю, некоторое время тому назад. – Имя имело у нее во рту вкус горечи.

– Это женщина, с которой он вам изменил, – подсказала Брайди.

– Да. Примерно восемь месяцев назад он затеял крупный строительный проект – шикарные дома для владельцев лошадей, и он все время был страшно занят. – Сара не могла поверить, что была такой глупой. В этой истории были все признаки классического клише – поздние приходы домой, едва описываемые встречи, отмена развлечений с ней. Отсутствие секса с ней. – Я думала, ему нужно время, чтобы привыкнуть к тому, что случилось с ним, но я верила, что он это преодолеет. И он преодолел, я полагаю. Но не со мной.

Она глубоко вздохнула и рассказала Брайди о самом худшем – о событиях холодного дождливого дня, о своих последних минутах жизни женщины, которая счастлива замужем. Она рассказала о том, как ей было одиноко без мужа, когда она поехала в клинику зачатия одна. Она рассказала, как по дороге остановилась купить пиццу, чтобы навестить его на работе, потому что он любил пиццу и она хотела сделать ему сюрприз. Она даже рассказала о минуте, которая была бы кошмаром для любой женщины.

Сверхъестественное спокойствие, которое она испытывала с той ночи, разбилось на части, а его место заняли эмоции – гнев на Джека и стыд от унижения, болезненное чувство, что она потеряла свои мечты. Она чувствовала себя одолеваемой мыслями о ребенке, которому не суждено родиться, и о превосходном доме, который был только иллюзией.

До этого шок охранял ее от мысли, что было бы, если бы она вела себя по-другому. Немота сменила тревогу оттого, что она вынуждена стирать свое грязное белье на глазах у постороннего человека; она понимала, что жизнь, которой она так гордилась, была сплошным стыдом.

Вынужденная описать неверность мужа, она чувствовала, как ее женская гордость растоптана и, окровавленная, лежит на полу. Она пробиралась сквозь самую тяжелую часть своего повествования.

– Вот так все и произошло. Конец счастливой сказки.

Сара почувствовала, что ее охватила усталость. Она пролетела полстраны в адреналиновом шоке. Наконец утомление взяло над ней верх.

– Вы знаете, – заключила она, – у меня только одно большое сожаление.

– Какое же? – спросила Брайди.

– Я хотела бы заказать черные оливки к этой чертовой пицце.

6

Уилл Боннер обошел дымящийся амбар, в молчании изучая разрушенное здание. Он вытащил из заднего кармана бандану и вытер лицо. Он уже должен был быть дома, за ужином со своим ребенком. К сожалению, люди, которые устраивают пожары, не считаются с графиком капитана. Однако он считался со своими благословениями. Амбар был пустой.

Вэнс Самюэльсон, один из волонтеров, и Глория Мартинес, инженер, приводили пожарную машину в порядок.

– Ну, – спросила Глория, ослабляя свои подтяжки, – какова твоя оценка?

– Намеренный поджог, – сказал Уилл, подводя ее к середине пола. Искореженные куски крыши лежали вокруг них. Поверхность все еще тлела у них под ногами. – Это то, что покажет расследование. Но они могут сказать только это. Чтобы найти, кто это сделал, понадобится ты и я. Черт, нам понадобится вся округа.

Он сунул бандану в карман и прошел к разрушенному сараю.

– Я ничего не могу поделать, Глория. Это напомнило мне инцидент, произошедший пять месяцев назад, над которым я все еще работаю.

– Это расследование пожарных властей, а не твое. У тебя есть собственная работа.

Он кивнул и стащил с себя защитный жакет, в котором теперь чувствовал себя как в сауне.

– В теории – да. Но мы знаем эту округу. Мы знаем, кто и что делает, кто враждует со своими соседями, у кого проблемы с деньгами, чьи дети вышли из-под контроля. Мы те, кто должен определить, кто совершает эти поджоги.

– Хотелось бы. – Она постучала ботинком по черному шлаку в основании амбара. – Тот же самый сценарий с обоими поджогами?

– Вероятно. Я думаю, он использовал разные катализаторы для номера один и номера два.

– Как раз то, что нам нужно. Умный поджигатель.

– Я не думаю, что он умен, – напомнил ей Уилл. – Согласно его профилю, он ниже среднего уровня интеллекта.

– Может быть, он пристрастился к шоу о преступлениях. Не нужно быть умным, чтобы скопировать нечто, что они шаг за шагом показывают по телевизору.

– Такие шоу призваны служить обществу, – сказал он, чувствуя усталость в костях. – Они делают нашу работу намного легче.

Он закатал рукав, проверяя руку на предмет ожогов. Его кожа была ярко-красной, словно сожженной солнцем. Татуировка с драконом, которую сделал куда более юный и куда более тупой Уилл Боннер, осталась нетронутой. Он проверил часы, потом надел темные очки.

– Я сегодня буду дома поздно. Снова. Хочешь пообедать с нами?

Он часто приглашал ее, и не только потому, что она ему нравилась и он ее уважал. Она нравилась Авроре, и в последнее время его приемная дочь, кажется, предпочитала обсуждать покупку новых туфель с Глорией, чем болтать с отцом.

Глория ответила ему усталой улыбкой.

– Спасибо, но у меня планы на сегодняшний вечер. – Она тронула его за рукав. – Увидимся, партнер.

«Мини» все еще пахнул новенькой машиной, несмотря на то что Сара была его уже вторым владельцем. После встречи с Брайди Шафтер она села за руль, чувствуя себя словно выжатый лимон. Она не знала, что делать дальше, и у нее даже не было дорожной карты.

Она сказала себе, что нет ничего постыдного в том, чтобы вернуться обратно в Гленмиур. Скоро весь городок будет знать, что она вернулась домой с поражением – женщина, которую предали, – и что ее превосходная жизнь в Чикаго была мистификацией. Ну и что. Люди то и дело начинают жизнь заново.

Ее телефон зазвонил. Она посмотрела на экран, подавила приступ паники и ответила на вызов.

– Откуда ты взял мой номер?

– Нам нужно поговорить, – сказал Джек, не обращая внимания на ее вопрос. – Мои предки тоже так думают. Все так думают.

– А я так не думаю. И мой адвокат тоже. – На самом деле Брайди не выразилась так определенно, но она посоветовала Саре пока не давать ему больше информации, чем нужно.

– У тебя есть адвокат? – изумился Джек.

– А у тебя нет? – Она подозревала, что он позвонил Кливу Кренски в ту же минуту – в ту же секунду, – как снял с себя в тот день одежду, которая все еще воняла Мими Лайтфут. Его колебания только подтвердили эту догадку.

– Я уже дала ей номер Клива, – сказала Сара. С выложенной кирпичом парковки перед ней открывался вид на гавань Гленмиура и живописную площадь. Она выглядела такой старомодной и непорочной, словно кадр из ностальгического кинофильма, с полотняными навесами над витринами магазинов, с мисками воды, выставленными для любой собаки, которая пройдет мимо, с корзинами цветов, свисающими с фонарей, и с бизнесом, который уважал нежелание города меняться. Здесь не было лицензированных магазинов или светящихся вывесок, просто атмосфера простых былых времен.

– Не делай этого. – Голос Джека был напряженным и сухим.

Старая привычка тревожиться о каждом его вздохе едва не подвела ее. Она выпрямила спину, упершись в сиденье автомобиля.

– Ее зовут Бернадетт Шафтер...

– О, превосходно.

– ...и я собираюсь обсудить с тобой определенные вещи.

– Тогда почему бы тебе не выслушать меня?

Она посмотрела на бухту Томалес. Флотилия коричневых пеликанов качалась на воде на фоне вечеряющего неба, на котором клубились синие и хлопково-белые облака. Джеку не нравился Гленмиур. Он считал, что это – отстой, место, куда приезжают умирать старые хиппи... или они превращаются в фермеров и выращивают устриц до конца своих дней. Хотя прошли многие годы, она все еще помнила, какой это был удар для ее отца. Это беспокоило ее тогда и беспокоит сейчас. Разница была в том, что теперь она кое-что делала ради этого и ради тех других болезненных вещей, которые он говорил, а она проглатывала, извиняя это недостатком вежливости.

– Я слушаю, – сказала она.

– Ты не можешь просто зачеркнуть пять лет брака...

– Нет, это сделал ты, а не я. – Она видела, как над морем поднялись несколько чаек, отбрасывая тень на воду. – Как долго ты был с ней? – спросила Сара.

– Я не хочу говорить о ней. Я хочу, чтобы ты вернулась.

Сара была потрясена, не просто его словами, но страхом, который слышался в его голосе.

– Ты хочешь, чтобы я вернулась? Ради чего? О, у меня есть идея. Мы можем вместе сдать анализы. Да, Джек. Если ты считаешь, что измена – это недостаточно плохо, предупреждаю тебя, что я собираюсь сдать анализ на СПИД. Мы оба должны это сделать.

Она сморгнула слезу унижения.

– Это невозможно. Мы с Мими только вдвоем.

Сейчас. Не «были вдвоем», а сейчас вдвоем.

– В самом деле? И ты знаешь это... откуда?

– Я просто знаю, хорошо?

– Нет, ничего хорошего, и у тебя нет никакого представления, с кем она была до тебя.

– Она была. – Джек на мгновение замолчал. Затем он сказал: – Сара, разве мы не можем просто оставить эту тему? Мне жаль, что я сказал, что хочу развода. Это было глупо. Я просто не подумал.

О боже. Очевидно, Клив объяснил ему финансовую сторону разрыва с безупречной женой.

– Так что ты говоришь, ты передумал?

– Я говорю, что я с самого начала не имел этого в виду. Я был напуган, Сара, и чувствовал себя растерянным и виноватым. Причинить тебе такую боль... это было последнее, чего я хотел. Я был в панике и плохо справился со своей задачей.

Она и в самом деле чувствовала, что поспешила, и заметила это с неприятным толчком. Хотя она, без сомнения, была пострадавшей стороной, но она была в войне сама с собой. Часть ее продолжала любить его, та часть, которая провела ее сквозь лечение от рака и попытки забеременеть, таяла при звуке его голоса. В то же время та часть ее, которая только что пережила невыносимое унижение в кабинете адвоката, все еще хранила память о том, как ее муж трахает другую женщину.

– У меня болит голова, Джек. Для меня не имеет значения, хорошо или плохо ты справился с задачей.

– Забудь о том, что я сказал в то утро. Я не имел этого в виду. Мы можем пережить все проблемы, Сара, – сказал он, – но не так.

Стайка птиц исчезла, оставив бухту зеркально плоской и пустой, прекрасной в вечернем свете.

– Итак, знаешь что? – спросила она. – Я чувствую необходимость перемен.

Он колебался.

– Нам нужно поговорить о нас, – сказал он. – О тебе и обо мне.

– У тебя нет никакого представления о том, что мне нужно. – Сара не была сердита. Она была настолько далека от злости, что вошла в красную зону чувства, какого никогда не испытывала раньше, она даже не знала, что оно существует. Это было плотное, уродливое место с темными углами, где ярость собиралась и порождала образы, о которых она даже и не догадывалась. Там не было картинок, на которых она делает ужасные вещи с Джеком, там были картинки, где она делает ужасные вещи с самой собой. Это пугало ее больше всего.

– Сара, возвращайся домой, и мы...

– Мы – что?

– Справимся с этим как люди, которые заботятся друг о друге вместо того, чтобы общаться через адвокатов. Мы даже не можем назвать это расставанием. Мы можем все исправить, вернуться к тому, как все было раньше.

Ах. Ну да, сначала он говорил как злой, импульсивный, но честный человек. После того как адвокат объяснил ему, чего это будет ему стоить, он погрузился в раскаяние.

Она видела грузовик цвета шартреза, который выехал с бульвара сэра Фрэнсиса Дрейка и медленно двинулся к северу. На боковой дверце был нарисован тюлень – символ Гленмиура с 1858 года. Над головой у него сходились красные конические лучи, а позади было что-то вроде насоса. Коричневая от солнца татуированная рука с закатанным рукавом высывалась из окна машины. Водитель немного повернулся, и Сара заметила бейсбольную кепку и темные очки.

– Почему бы мне этого хотеть? – спросила она Джека.

Она проехала полстраны, размышляя о том, как обернулось дело. Долгие часы одинокого пути заставили ее столкнуться лицом к лицу с правдой о ее браке. Она долго обманывала себя насчет того, что она счастлива. Она действовала как преданная, безупречная жена, но не была такой. Это было неприятно осознавать. Она сделала глубокий, успокоительный вздох.

– Джек, с чего бы мне хотеть, чтобы все было по-прежнему?

– Потому что это наша жизнь, – сказал он. – Господи Иисусе...

– Расскажи мне о банковских счетах. Обо всех четырех. – На нее накатило странное чувство. Глубоко внутри себя она обнаружила источник спокойствия, который действовал как общее обезболивающее. – Как скоро ты собираешься их заморозить? Не забыл ли ты сначала застегнуть ширинку? – На самом деле она знала ответ. Он предпринял все необходимые шаги через несколько часов после того, как получил пиццу. В Омахе она остановилась у банкомата, чтобы снять деньги со счета, только чтобы обнаружить, что карточка заблокирована. То же самое было и с другими счетами. К счастью, у нее есть кредитки, на которые она получает деньги за работу над комиксами.

И хотя она никогда раньше об этом так не думала, у нее были козыри. И была крупная сумма денег на счете, открытом на ее имя. По совету их доктора и Клива – которого до сегодняшнего дня она считала другом – они открыли ей счет, когда Джеку диагностировали рак. Если бы случилось самое худшее, ей бы пришлось самой принимать определенные решения.

Тогда ей не приходило в голову, что это может быть решение развестись с мужем.

– Я сделал это, чтобы защитить нас обоих, – сказал Джек.

– Нас обоих? О, я понимаю. Тебя и твоего адвоката, ты хочешь сказать.

– Ты явно не способна рассуждать разумно. Мне позвонили из банка о транзакции из отдела автопродаж..

– А, значит, вот о чем ты беспокоишься, – неожиданно поняла она истинную причину его звонка. – А я было подумала, что ты звонишь из-за меня.

– Теперь ты пытаешься избежать разговора.

– О, прости. Я продала GTO и купила машину, которую на самом деле хотела.

– Не могу поверить, что ты сделала это. Из всех детских, незрелых поступков это самый... У тебя не было права продавать мою машину.

– Оно у меня точно было, Джек. Я купила эту штуку, помнишь? И она записана на мое имя.

– Это был подарок, черт возьми. Ты *отдала* ее мне.

– Парень, ты хорошо знаешь, как поругаться с девушкой из-за машины, – сказала она. – Я бы хотела услышать, что ты можешь сказать о чем-то действительно плохом, таком как... ох... неверность.

Он даже не удосужился ответить на это. Как он мог?

– Я хотел бы, чтобы этого не было, но я не могу этого сделать. Мы должны пройти через это, Сара, – вместе. Мы можем исцелиться от этого. Мне нужен шанс искупить свою вину перед тобой. Пожалуйста, приезжай домой, сахарная фасолинка, – сказал он, используя ее уменьшительное прозвище, голосом, который обычно вводил ее в заблуждение.

Теперь ее от этого просто затосило. С любопытным чувством отстраненности она смотрела на сцену перед собой – сонный приморский городок. Две женщины болтали на тротуаре. Стеснительного вида дворняга выдвинулась из-за угла, очевидно в поисках объедков.

– Я дома, – сказала она.

Брайди объяснила ей, что у нее будут преимущества, если она начнет бракоразводный процесс в Калифорнии, штате общей собственности. Она предупредила Сару, что адвокат Джека будет рвать и метать.

– А как насчет всего того, что я дал тебе? – напомнил ей Джек. – Прекрасный дом, все, что ты хотела, все, что тебе было нужно. Сара, на свете есть женщины, которые готовы убить за это...

Джек все еще говорил, когда она выключила телефон. Он так ничего и не понял и, наверное, никогда не поймет.

– Эти вещи бесценны.

Ее руки немного тряслись, когда она вставляла ключ в зажигание. Никогда, думала она. Ярость. Она знала о разводах достаточно, чтобы осознать, что это болезненная штука в отношении целого спектра эмоций. Она гадала, как и где ей придется бороться. Охватит ли ее внезапная агония, словно ее сбил грузовик, или боль будет жить в ней и размножаться под сердцем, словно вирус? Теперь она поняла, что чувствовал Джек перед началом своего лечения. Абсолютный ужас оттого, что она собиралась сделать, был мучительным.

Она сидела и ждала, пока сигнал единственного в городе светофора переменится с желтого на красный. На главной дороге остановился школьный автобус, и его стоп-сигналы открылись, словно пара больших ушей. Сара подозревала, что это тот же самый автобус, на котором она ездила всю свою жизнь. На боках было выведено: «Школа „Вест-Марин“»... Судя по возрасту детей, которые выходили из автобуса, это были младшие классы. Она смотрела на группу детишек с ранцами, шагающих по улице, задерживаясь у кондитерской, чтобы поискать в карманах мелочь. Некоторые из мальчишек были чисто умытыми, тогда как на лице других красовались разводы после пятичасового чая. Девочки были самых разных размеров и форм, их манеры были у кого неловкими, а у кого просто классными.

Одна из крутых девчонок – Сара различала таких за милю – была самовлюбленной блондинистой богиней, которая лихо зажгла сигарету. Сара вздрогнула, гадая, где девочкина мама и знает ли она, к чему приучается ее дочь.

И снова Сара сказала себе, что хорошая вещь состоит в том, что ее попытки забеременеть окончены. Дети – это постоянный вызов. Иногда они просто ужасны.

Последней из автобуса вышла прелестного вида девчушка. Маленькая, словно статуэтка, с сияющими черными волосами, бледной кожей и превосходными чертами лица диснеевской принцессы. В ней была безупречность существа из другого мира, и Саре не хотелось отводить от нее взгляд. Девочка была Покахонтас, Мулан, Жасмин. Сара бы не удивилась, если бы она вдруг запела во весь голос.

Конечно, она не стала петь, а двинулась напрямик к пожарной машине. У водителя в руках был телефон или радио. Девочка влезла в машину, закрыла дверь, и они тронулись.

Сара была наблюдателем, а не деятелем. Она всегда была такой, глядя, как другие живут своей жизнью, тогда как она жила своей в собственной голове. И ее пронзила мысль – трудная, – что, даже если она потерпевшая сторона в их браке, она тоже виновата в том, что он развалился. Ох.

Черно-белая собака отделилась от группы прыгающих мальчишек и выскочила на улицу. Сара выскочила из машины и бросилась к дворняге. Она ногой загнала ее обратно на тротуар. В ту же минуту она услышала визг тормозов. Она застыла посреди улицы в нескольких футах от пикапа цвета шартреза.

– Идиотка! – прокричал водитель. – Я чуть не сбил тебя.

Ее смущение быстро сменилось сожалением. В эти дни она относилась ко всем мужчинам с горечью и была не в настроении спорить с каким-то рыжим татуированным парнем в бейсбольной кепке.

– Там была собака. – Она жестом показала на тротуар, но дворняги уже нигде не было видно. – Простите, – пробормотала она и направилась обратно к своей машине.

Вот почему она всегда была наблюдателем, а не деятелем. Меньше шансов попасть в унижительное положение. Хотя теперь, благодаря Джеку, она открыла, что на свете есть вещи и похуже, чем унижение.

7

Пламя лизало лицо дочери Уилла. Каждый отдельный золотой язык, казалось, освещал разные грани ее бледной кожи и блестящих черных волос. Перекормленный углем огонь взревел и, казалось, лизнул ее ресницы.

– Господи Иисусе, Аврора! – крикнул он, вбегая в патио, чтобы опустить решетку гриля барбекю. – Ты знаешь, что так делать нельзя.

Одно мгновение его приемная дочь просто смотрела на него. С того момента, как она вошла в его жизнь восемь лет назад, она завоевала его сердце, но, когда она делала такие вещи, ему хотелось схватить ее и встряхнуть.

– Я разжигала барбекю, – сказала она. – Ты принес продукты?

– Да. Но я не припомню, чтобы я говорил, что ты можешь разжигать гриль.

– Ты слишком задержался в магазине. Мне надоело ждать.

– Предполагалось, что ты будешь делать домашнее задание.

– Я закончила. – Ее глаза, обрамленные темными ресницами, смотрели на него с порицанием. – Я только пыталась помочь.

– А, дорогая. – Он обнял ее за плечи. – Я еще не сошел с ума. Но я думаю, что ты сама знаешь, что разжигать огонь – не твое дело. Подумай только, какие заголовки появятся в «Беакон», если что-нибудь случится: «Дочь пожарного задыхается от дыма»!

Она хихикнула.

– Прости, папа.

– Я тебя прощаю.

– Можем мы делать еду?

Бургеры были их особым блюдом, и только их – по большей части потому, что больше никто к ним не прикасался. Они были сделаны из «Спэма»⁵, «Велвиты»⁶ и лука, прокрученных через мясорубку, а затем поджаренных, и подавались с томатным соусом. Рай в булочке. Аврора была единственным человеком, который ел эту снедь вместе с Уиллом.

Он поднял черную куполообразную крышку.

– Нет никакого смысла терять попусту такой хороший огонь.

За годы по необходимости он научился готовить. Долгие часы дежурства в пожарной части давали ему массу времени для тренировки. Он был знаменит своими пышными блинами, а его говяжий стейк с чабером однажды выиграл приз районного пожарного отделения. Для человека, который когда-то считался будущим профи в бейсбольной команде, карьера пожарного была необычным выбором. А для отца-одиночки она была слишком рискованной, но Уилл просто не представлял себе другого дела. Это было призвание. Годы назад он узнал, что лучше всего у него получается спасать людей, и риск был частью его работы. А когда доходило до собственной безопасности, Аврора – его сердце – была куда могущественней, чем бронежилет. У него просто не было выбора – он должен был прийти домой, к ней.

Пока бургеры шипели на гриле, они с Авророй работали бок о бок, делая вместе салат из макарон. Она болтала о школе с такой серьезностью, какая может быть только у семиклассницы. Каждый день был драмой, наполнен интригами, романтикой, предательством, героизмом, тайной. Согласно рассказам Авроры, все это происходило в школе каждый день.

⁵ «Спэм» – товарный знак мясной гастрономии производства компании «Хормел фудс». Мясные консервы с этим товарным знаком появились в 1937 году и во время Второй мировой войны стали одним из основных продуктов питания солдат американской армии. До сих пор служит предметом шуток гурманов, не признающих стандартов в питании. Название является комбинацией слов SPices (специи) + hAM (ветчина).

⁶ «Велвита» – товарный знак популярного сорта плавленого сыра; выпускается фирмой «Крафт фудс».

Уилл пытался следовать за извилистой сагой о том, как кто-то послал эсэмэску не на тот номер, но его мысли были заняты своим. Он думал об огне в амбаре, пытаясь сообразить, почему его подожгли и кто это сделал.

– Папа. *Papa*.

– Что?

– Ты не слушаешь. Черт.

Она слишком хорошо понимала его. Когда она была маленькой, она не замечала, как он отвлекается. Теперь, когда она стала старше, научилась чувствовать, когда на нее не обращают внимания.

– Прости, – сказал он. – Думаю о сегодняшнем пожаре. Именно поэтому я чуть было не пропустил твой автобус.

Она быстро обернулась, вынула баночку горчицы из холодильника и поставила ее на стол.

– Что за пожар?

– Амбар на одной из боковых дорог. Умышленный поджог.

Она аккуратно сложила пару салфеток, ее маленькие ручки работали с проворной эффективностью.

– Кто поджег?

– Хороший вопрос.

– Так что ты совершенно без улик?

– Едва ли. Там целые тонны улики.

– Каких?

– Отпечатки ног. Газовая канистра. И кое-какой другой набор, о котором я не могу говорить, пока пожарное расследование не представит свой рапорт.

– Ты можешь сказать мне, папа.

– Нет.

– Что, ты мне не доверяешь?

– Я доверяю тебе целиком и полностью.

– Тогда скажи мне.

– Нет, – ответил он снова. – Это моя работа, детка. Я отношусь к ней серьезно на все сто процентов. Ты слышала что-нибудь? – Он взглянул на нее. Дети в школе болтают. Пожарные инспекторы гордились своей работой и обычно наслаждались тем, что знамениты. Они не могли долго держать язык за зубами.

– Конечно нет, – сказала она.

– Что ты хочешь сказать этим «конечно нет»? – Он уложил два бургера на поджаренные булочки и отнес их на стол.

– Я хочу сказать, что ты думаешь, что кто-то в школе в самом деле станет говорить со мной. – Она говорила, казалось бы, шутя, но Уилл заметил за этим замечанием реальную боль.

– Люди говорят с тобой, – сказал он.

Она аккуратно разрежала бургер на части.

– Тогда ты бы знал.

– Как насчет Эдди и Глиннис? – спросил он, упоминая двух ее лучших подруг. – Ты ведь с ними разговариваешь.

– Эдди занята своей группой в церкви, а Глиннис все время возбуждена, потому что ее мама встречается с Глорией.

– И отчего это она возбуждена?

– Перестань, папа. Я хочу сказать, когда это твоя собственная мама... – Она сморщила нос. – Дети не любят, когда их родители ходят с кем-то на свидания.

Он сердито посмотрел на нее:

– Включая теперешнюю компанию, я понимаю.

– Эй, если ты хочешь пойти на свидание с какой-нибудь женщиной – или с каким-нибудь парнем, просто не давай мне остановить тебя.

– Хорошо. – Уилл знал, что у нее в запасе миллион трюков, чтобы удержать его от свиданий. Учítывая, какими тяжелыми были ее первые годы жизни, это вполне понятно. Однако с ним это не имело большого значения. Он ни с кем не встречался.

– Может быть, я подожгу дом, – сказала она. – В знак протеста.

– Даже не шути на этот счет.

– Моя жизнь – шутка. И мне все надоело. Эдди и Глиннис живут слишком далеко. У меня нет ни одного друга здесь, в Гленмиуре.

Он представил ее в большом бетонно-стеклянном здании школы и долгие поездки на автобусе по враждебной территории. Только несколько детей жили в Гленмиуре, но он по наивности надеялся, что она заведет себе других друзей и отправится в старшие классы с большой группой поддержки.

– Эй, я тоже здесь вырос. Я знаю, это может быть нелегко.

– Точно, папа. – Ее взгляд был многозначительным. Она полила бургер теплым томатным соусом, затем положила на него сверху булку, откусила большой кусок и медленно прожевала. Под ее ногтями было черно от грязи.

Уилл инстинктивно понимал, что сейчас неподходящий момент отправлять ее мыть руки. В последнее время он не слишком хорошо разбирался в ее переменчивом настроении, но сейчас понимал. Он практически сделал карьеру, читая книги по воспитанию, несмотря на то что все они давали противоречивые советы. В одном они были единодушны – что бунт возникает, когда слишком силен родительский контроль. Не то чтобы эти выводы делали легче общение с тринадцатилетней девочкой.

– И что, ты думаешь, я с этим справился? – спросил он.

– Приветик! Бабушка и дедушка рассказывали мне о тебе довольно много. Включая тот факт, что ты был звездой бейсбола и первым в школе.

Он ухмыльнулся:

– Это их совершенно объективное мнение. А они рассказывали тебе, что я обычно ездил в школу на велосипеде вместо того, чтобы ждать автобуса, потому что боялся, что меня будут дразнить?

– Предполагается, что я от этого почувствую себя лучше? – Она ела методично и размеренно.

Он любил смотреть, как она ест. Согласно прочитанным книгам, Аврора подвергалась риску анорексии. Она отлично подходила к описанию – красивая, умная, намеренная преуспеть... и с недостаточно высокой самооценкой. Кроме того, ее бросили в детстве.

– Как насчет того, чтобы мы обсудили, как тебе быть более счастливой в школе? – предложил он.

– Давай, папа, – сказала она, втыкая вилку в макаронный салат. – Я могу поступить в группу поддержки или в шахматный клуб.

– И те и другие будут счастливы тебя заполучить, – подчеркнул он.

– Да, их счастье.

– Черт побери, Аврора. Почему ты так негативно настроена?

Она ответила не сразу, сначала сделала долгий глоток молока, затем поставила стакан на стол. Бледные усы полукруглыми обвели ее губы, и Уилл испытал приступ сентиментальности. Он неожиданно увидел в ней тихого ребенка, который вошел в его жизнь годы тому назад, держась за руку женщины, которая превратила их жизнь в хаос и оставила после себя сгусток бурных эмоций.

Тогда, как и сейчас, Аврора выглядела потрясающе: большие карие глаза и блестящие черные волосы, сливочно-оливковая кожа и выражение изумления, когда с ней резко обращались. С первой минуты, как он ее увидел, Уилл сделал своей миссией искупить грехи, совершенные против этого ребенка. Он отказался от своих мечтаний и планов на будущее, чтобы защитить ее.

И ни разу, ни на одну секунду он не пожалел о решении, которое принял.

Или так он себе говорил.

Она вытерла рот салфеткой и неожиданно снова превратилась в тринадцатилетнюю Аврору, подростка, ее внешность стала женственной, и Уилл находил это пугающим.

– Она похожа на Сальму Хаек, – заметила Брайди прошлым летом, когда ходила с Авророй покупать ей купальник.

– Кто это такая?

– Латиноамериканская актриса, которая выглядит словно богиня. Аврора абсолютно потрясающая, Уилл. Ты должен ею гордиться.

– Какое мне, черт побери, дело до того, как она выглядит?

Брайди уступила:

– Я имею в виду, что она вырастет красоткой. И будет получать массу комплиментов и пользоваться успехом.

– Пользоваться успехом из-за того, что ты красотка, – это хорошо.

– Так было и с тобой, братец, – насмешливо поддразнила его Брайди. – Ты был самым хорошеньким учеником, какого когда-либо видели в старших классах.

Воспоминания заставили его вздрогнуть. Он был таким самовлюбленным, он был раздут от гордости, словно клещ.

Затем в его жизнь вошла Аврора, беспомощный и отвергнутый котенок, и все встало на свои места. Уилл посвятил себя ее безопасности, тому, чтобы помочь ей вырасти, дать ей хорошую жизнь. В свою очередь она превратила его из самовлюбленного идиота в мужчину с серьезной ответственностью.

– Почему я так негативно настроена? – переспросила Аврора, подбирая крошки с тарелки. – Черт, папа. С чего ты хочешь, чтобы я начала?

– С правды. Расскажи мне от всего сердца, что так невыносимо в твоей жизни.

– Пытаться быть всем на свете.

– Пытаться быть немного особенной.

Она посмотрела на него, в глазах плескался бунт. Потом она оттолкнулась от стола и направилась к своему портфелю, достала измятое объявление, напечатанное на розовой бумаге.

– Это для тебя достаточно особенное?

– Родительский вечер в вашей школе. – Он точно знал, почему это огорчает ее, но решил прикинуться дурачком. – Я не могу пойти. Я дежурю.

– Я знаю, что ты не можешь. Просто я ненавижу, когда они заставляют приходить родителей.

– Что в этом такого плохого?

Она отодвинулась на стуле.

– Как насчет того, что у меня нет матери? И никакого представления о том, кто мой отец.

– Это я, – сказал Уилл, пытаясь не показать гнева. – И у меня есть бумаги на усыновление, чтобы доказать это.

Благодаря Брайди, семейному адвокату, у него были отцовские права. Их никто не оспаривал – кроме Авроры, которая иногда мечтала о том, что ее «настоящий» отец – благо-

родный политический узник, который разлучен с ней, потому что сидит где-нибудь в тюрьме третьего мира.

– Все равно, – сказала она, в ее интонациях звучало упрямство.

– У многих детей одинокие родители, – подчеркнул он. – Разве это так плохо? – Он жестом обвел комнату, имея в виду их дом. Деревянный дом, выстроенный в тридцатых, был не особенно модным, но из него открывался вид на пляж, и здесь было все, что им нужно, – собственные спальни и ванны, хорошая стереосистема и спутниковое телевидение.

– Ну хорошо, – сказала она. – Твоя взяла. Все просто супер.

– Это что, новая манера, которую ты освоила в седьмом классе? – спросил он. – Сарказм?

– Это просто талант.

– Мои поздравления. – Он чокнулся с ее стаканом банкой пива. В свой первый вечер после дежурства он всегда выпивал банку пива. Только одну, не больше. Серьезное пьянство не означало ничего, кроме неприятностей. В последний раз, когда он напился, это кончилось женитьбой и приобретением дочери. Человек не может себе позволить такого больше одного раза в жизни. – Ага, проговоришься, – сказал он. – Что сделает тебя счастливой и как мне дать это тебе?

– Почему с тобой все такое черно-белое, папа? – спросила она в раздражении.

– Может быть, твой отец дальтоник. Ты должна помочь мне выбрать рубашку для родительского вечера.

– Ты что, пойдешь? Я не хочу, чтобы ты шел! – завопила она.

Он не подал виду, что такое ее отношение – это стрела в его сердце. Не бывает хорошего возраста, чтобы бросить ребенка, но Уилл считал, что Марисоль выбрала самый ужасный. Когда Марисоль ушла, Аврора была слишком юной, чтобы видеть мать такой, какая она есть, однако достаточно взрослой, чтобы иметь воспоминания, словно тонущая жертва, всплывающая к поверхности. За все эти годы Аврора хранила эти воспоминания с детским идеализмом. Не было способа, чтобы приемный отец заменил ей мать, которая расчесывала бы ей волосы, пекла блины к обеду и знала все слова из «Короля-льва».

Однако он не переставал пытаться заменить ей мать.

– Мне жаль тебя разочаровывать, но я иду, – сообщил он ей.

Аврора ударилась в слезы. В последнее время это стало ее специализацией. Словно по сигналу, она плакала и переставала. В одно мгновение он услышал скрип, когда она бросилась на кровать.

Уилл подумал, не выпить ли еще пива, но решил, что не стоит. Иногда в такой ситуации он чувствовал себя таким одиноким, что у него было ощущение, будто он дрейфует в море. Он подошел к доске у двери. Они с Авророй использовали ее для напоминаний и писали на ней список покупок. Взяв мел, он написал: «Родительский вечер – четв.», чтобы не забыть. Наверху сердитая Аврора бросилась на кровать, и та недовольно скрипнула в ответ.

8

Удаляясь от города, Сара не велела себе сосредотачиваться на Джеке и на том, что он ей сказал. Но вместо этого она перебирала в уме их разговор, словно искала скрытое значение в каждом слове. «Ты пока не готова осознать свое участие в этом».

Из всего, что он сказал, это было самым абсурдным. В чем ей себя винить? В том, что она променяла неумеренно жрущий бензин ГТОна «мини»?

«Пожалуйста, возвращайся домой», – убеждал ее Джек.

«Я дома».

Однако пока она этого не чувствовала. Ей никогда не было комфортно в собственной коже, где бы она ни жила. Теперь она осознала кое-что еще. Ее сердце не имело дома. Хотя она выросла здесь, она всегда искала что-то еще – вне дома – место, которому она бы принадлежала. Но она так и не нашла его. Может быть, она вскоре откроет, что это – место, которое она оставила где-то позади. Место вроде этого.

Это земля пышного изобилия и таинственных пустынь, отделенная кипарисами с плоскими кронами, изогнутыми ветром, шишковатые калифорнийские дубы, покрытые мхом и лишайниками, незабудки в холмистых лугах и скопы, гнездящиеся в ветвях деревьев.

Ее отец жил в доме, который построил его отец. Муны были старой местной семьей, их предки явились первыми поселенцами в городке вместе с Шафтерами, Пайерсами, Молтзенсами и Мендозами. Между домом и главным видом на бухту, известную местным как бухта Мун, хотя такого названия и не было на карте, лежало очаровательное болото. В конце гравийной дороги была устричная компания «Бухта Мун», занимающая длинное здание вроде амбара, частично переходящее в док. Дело было начато дедом Сары после того, как он, раненный, вернулся со Второй мировой. Он был ранен пулей в ногу немцами во время битвы при Балдже и ходил неизменно хромя. У него был талант к бизнесу и глубокая любовь к морю. Он решил выращивать устриц, потому что они плодились и размножались в естественно чистых здешних водах и пользовались спросом в магазинах и ресторанах в районе бухты.

Его вдова, Джун Мун, в девичестве Гаррет, была бабкой Сары. Она до сих пор жила в доме, который семья называла «новым» домом просто потому, что он был построен на двадцать лет позже старого. Это было белоснежное бунгало с оградой из штакетника в конце дороги, в сотне ярдов от главного дома. После того как дедушка умер, сестра бабушки Мэй переехала к ней. Две сестры жили вместе, счастливо и спокойно.

Сара решила зайти к бабушке, прежде чем идти в большой дом. Она прибыла в состоянии ярости и горя и еще не видела бабушку и тетю Мэй. Теперь, когда она проконсультировалась с адвокатом и отбила попытку Джека изменить ее решение по поводу развода, она чувствовала, что лучше контролирует себя. Она повернула к дому бабушки, колеса «мини» зашуршали на устричных раковинах, устилавших подъездную дорожку.

Звуки бухты и прилива словно уничтожили прошедшие годы. Без всяких усилий они пропускали их через фильтр памяти. Когда она была ребенком, это было волшебное царство, полное снов и сказок. Окруженная прочным красивым домом у бухты и коттеджем ее бабушки недалеко, она была в самом сердце безопасности. Она исследовала болото и устье реки; она следила за приливом и бросала самодельных ястребов на ветер. Она лежала в мягкой траве во дворе и воображала, как оживают облака. В воображении она превращала облака в реплики из комиксов, наполняя их словами, которые она стеснялась произносить вслух. Это был мир ее мечты, пахнущий цветами и высокой травой с насекомыми в ней. Когда она была ребенком, она читала запоем, находя на страницах истории выход своим

мечтам. Она знала, что открыть книгу – это словно открыть двойные двери – следующий шаг заведет ее в Неверленд или Нод, ферму Саннибрук или на Малбери-стрит.

Когда она стала старшеклассницей, ее отношение изменилось. Именно тогда, как она подозревала, ее сердце утратило связь с этим местом. Она стала стесняться семейного бизнеса. Родители других детей были миллионерами, юристами, богатыми киномагнатами. А она была дочерью устричного фермера и, значит, неудачницей. Вот когда она научилась исчезать. В своих альбомах набросков она создавала особые места для себя самой, наполняя их всем, чего ей хотелось, – обожаящими ее друзьями, собачками и кошечками, снегом на Рождество, платьями до полу, отличными оценками, родителями с нормальной работой, которые одеваются в костюмы вместо того, чтобы натягивать резиновый фартук и галоши. Она позволила себе позабыть о волшебстве; его высмеяли бы дети, которые находили саму мысль о том, чтобы жить в таком глухом месте, забавной.

Возвращаясь назад в эти дни, она осознала, какой глупой девочкой она была, позволив чьим-то чужим предрассудкам диктовать ей, какой ей быть. Независимая и обеспеченная, ее семья была мечтой, образчиком американского успеха. Она никогда этого не ценила.

– Это я, – позвала Сара из-за двери.

– Добро пожаловать домой, девочка, – сказала бабушка. – Мы в гостиной.

Сара обнаружила бабушку ожидающей ее с распростертыми объятиями. Они обнялись, и она закрыла глаза, ее ноздри наполнились запахом бабушки – запахом специй и печенья. Ее руки были нежными, хотя и неслабыми. Она отступила назад и улыбнулась, видя перед собой самое доброе лицо на свете. Она повернулась к тете Мэй, близнецу бабушки, такой же очаровательной и доброй, как ее сестра. Она почти мечтала, чтобы они не были такими добрыми: по некоторым причинам их доброта вызывала у нее слезы.

– Значит, папа тебе сказал? – спросила она.

– Да, сказал, и нам очень жаль, – ответила тетя Мэй. – Правда ведь, Джун?

– Да и мы собираемся помочь тебе, чем можем.

– Я это знаю. – Сара сдернула свитер и забралась в старинное кресло-качалку, которое помнила с детства. – Я пережила первую встречу с адвокатом.

– Я сделаю тебе чай с молоком, – встрепелась бабушка.

Сара уселась поудобнее и позволила им суетиться вокруг нее. Она находила успокоение в их домашних заботах и в том факте, что они не изменили в этом доме ни одной вещи. У них был все тот же капустно-розовый ковер на полу, та же скатерть с цыплятами. Как всегда, бабушкино место в гостиной было завалено журналами и газетными вырезками, разбросанными в беспорядке вокруг ее стула. Альбом для набросков и карандаши лежали на боковом столике. По контрасту сторона тети Мэй была скрупулезно организована, ее корзинка с вязаньем, телевизионный пульт и книги из библиотеки являли собой образец аккуратности. Здесь Сара всегда могла найти домашнее печенье с инжиром, рыться в бабушкиных сувенирах со Всемирной ярмарки или просто сидеть и слушать болтовню близнецов. Это успокаивало, но каким-то образом это место и напрягало. Сара гадала, не чувствуют ли себя сестры здесь в ловушке.

Поскольку они были близнецами, от них всегда ожидали чего-то новенького, и они оправдывали ожидания. Когда они выросли, стали наслаждаться своим особым социальным статусом, который был у хорошеньких молодых леди, популярных, с прекрасными манерами и так похожих друг на друга. История их рождения была легендой. Они родились обе в последний день мая, в полночь, во время ужасного шторма. Принимавший роды доктор клялся, что одна появилась на свет на минуту до полуночи, а вторая – минутой позже. Услышав об этом, родители назвали их Мэй и Джун⁷.

⁷ Соответственно май и июнь.

Хотя биологически они не были однойцовыми близнецами, большинство обычных наблюдателей с трудом их различали. У них были одинаковые белые волосы, одинаковые молочно-голубые глаза. Их лица были неотличимы, словно два яблока, бок о бок подсыхающие в вазе.

Несмотря на свое физическое сходство, сестры во многих отношениях были полными противоположностями. Тетя Мэй пунктуально и аккуратно занималась хозяйством, зато бабушка в свое время отдала должное богемной жизни и предпочитала рисование домашней работе и семье. Более традиционная тетя Мэй одевалась в хлопковые платья из набивного ситца и вязаные шали. Бабушка предпочитала комбинезон и рубашу с национальным орнаментом. Но женщины, однако же, провели всю свою жизнь, оставаясь фанатически преданными семье и общине.

– Ты, наверное, не хочешь говорить о своей встрече, – предположила тетя Мэй.

В этой семье отказ был высоким искусством.

– Я расскажу вам все в деталях.

Бабушка подала чай с молоком в глиняной кружке.

– В любом случае тебе нужно отдохнуть от всей этой чепухи.

Сара попыталась улыбнуться. Ее поразило, что ее пошатнувшийся брак бабушка сочла «всей этой чепухой».

Ее бабушка и тетушка охотно сменили тему. Они заговорили о вещах, которые заполняли их дни. Бабушка и тетя Мэй, казалось, были лишены всяких амбиций и любопытства к тому, что происходит за пределами тихой, охраняемой бухты. Они организовывали разные мероприятия: ежегодный чай к 19 апреля, банкет исторического общества. Они руководили ежемесячными турнирами и исправно посещали собрание общества садоводов. В настоящее время, впрочем, как и всегда, они были заняты планами и проектами, работая над презентацией своих лукович в клубе садоводов «Солнечный свет». И если это не отнимало все их время, они занимались своими еженедельными обедами и игрой в банк.

Сара удивлялась, как серьезно они относятся к своим общественным обязанностям, словно это были вопросы жизни и смерти.

Старые женщины оглядели Сару, затем обменялись многозначительными взглядами. Что это такое с близнецами? – подумала Сара. У них была поразительная способность обмениваться информацией, не произнося ни слова.

– Что? – спросила Сара.

– Не похоже, чтобы у тебя достало терпения выслушивать новости о собраниях садоводов и игре в банк.

– Прости меня, бабушка. Просто я слишком занята своими мыслями. Я думаю, что просто устала. – Она попыталась выказать заинтересованность. – Но если это важно для вас...

– Это важно для всего человечества, – сказала тетя Мэй.

– Собрания общества садоводов? – удивилась Сара. – Игра в банк?

– О, дорогая. Теперь она раздражилась, – сказала бабушка своей сестре.

– Я не раздражена. Удивлена, может быть, но не раздражена.

Глубоко в душе она удивлялась, как можно так увлеченно обсуждать свежие цветы к дню рождения Реверенда Шуберта или хороший фарфор для их чаепития.

– Имеет значение то, что мы оказываем уважение и заинтересованность к тем, о ком мы заботимся. Это отделяет нас от скотины на поле.

– Коровы на пастбище мистера Прендергаста кажутся мне достаточно милыми.

– Ты хочешь сказать, что лучше бы ты была коровой?

– В данный момент это звучит для меня очень заманчиво. – Будучи нахальным неуклюжим подростком, Сара использовала свою ручку, чтобы рисовать комические сатиры на

собрания исторического общества или высадки Дрейка или создавала карикатуры на собрания общества садоводов, которые болтают, пока птицы строят гнезда в их соломенных шляпках с пышными украшениями.

– Когда-нибудь ты нарвешься, – предостерегал ее брат Кайл. Он посвятил свою жизнь тому, чтобы порадовать родителей, в то время как Саре никогда не удавалось сделать это.

Но по большей части, осознавала она, у нее не получалось порадовать себя. Когда ты живешь, чтобы порадовать других, скрытая цена зачастую превышает награду. Годы спустя, столкнувшись с крупным поражением – своим браком, она наконец-то осознала этот факт. Оглядывая дом бабушки, она гадала, не видит ли она свое будущее. Эта мысль повергла ее в депрессию, и она почувствовала, как две старые леди изучают ее.

– Ты дома, дорогая, – сказала бабушка.

– Дома, которому ты принадлежишь, – добавила тетя Мэй.

– Я никогда по-настоящему не чувствовала, что я принадлежу этому дому.

– Это твой выбор, – подчеркнула бабушка. – Когда ты решаешь, чему ты принадлежишь, ты делаешь выбор.

Сара кивнула.

– Но я не хочу быть разведенной женщиной, которая вернулась в дом своего отца. Это так... грустно.

– Тебе некоторое время будет грустно, дорогая. – Бабушка мягко улыбнулась ей. – Не стоит торопить события.

Получив от бабушки разрешение быть грустной, Сара двинулась по переулку к дому своего отца, миновав болото, окаймленное дикими ирисами, с зелеными холмами побережья вдаль. Она припарковалась на подъездной дорожке и пошла в гараж, мечту мужчины, который все делает своими руками, с прилегающей к нему мастерской. Многие поколения инструментов были развешаны на стенах и лежали на деревянных скамьях, и воздух наполнил резкий запах моторного масла. Полдюжины деталей занимали скамейки и козлы, все они относились к новой страсти отца – восстановить свой «мустанг» с откидным верхом 1965 года.

– Папа, – позвала она. – Привет!

Ответа не было. Он, вероятно, пошел в дом. Сара задержалась на пороге, охваченная воспоминаниями, которых у нее не было долгое время.

Ее мать обычно работала в хорошо организованном ответвлении гаража. Дженни Брэдли Мун была мастером прядильщицей и ткачихой, и она все знала о текстурах кашемира и шелка, которые создавала на своем станке вишневого дерева. Они с отцом Сары, Натаниелем, встретились на местном ремесленном рынке и поженились всего несколько месяцев спустя. Они жили здесь вместе, растили Кайла и Сару. Она все еще помнила долгие полноточные девичьи беседы со своей мамой – ее скалой в жизни. Или так она думала. Теперь ей хотелось снова поговорить с мамой и испытать чувство, словно гора свалилась у нее с плеч. Как могла ее мама умереть?

Сара сделала глубокий вдох и шагнула в мир своей матери. Теперь это было место теней и скелетов. Это было самое печальное место для Сары, потому что воспоминания о матери были похоронены в самой его глубине. И в то же самое время она испытала неотвратимое желание вспомнить, оглядывая комнату. Это было рабочее место, оживляемое стуком станка и движением челнока. Но все изменилось восемь лет тому назад.

Сара жила в Чикаго и была на втором курсе, когда ей позвонила золовка, Ла Нелл. Кайл и Натаниель были в шоке, так что они передали Ла Нелл поручение сообщить Саре ужасную новость.

Она потеряла мать.

Сара никогда не понимала, почему люди используют термин «потеря», когда кто-то умирает. Она точно знала, где ее мать – недостижимая, к которой невозможно притронуться, пораженная аневризмом, который был бессердечным и неразборчивым, как луч света. Что вы делаете, когда якорь, на котором вы держитесь, внезапно убирают? За что вам теперь держаться?

Она все еще не находила ответа. Однако здесь, в мастерской, ей показалось, словно Дженни на минуту спустилась, чтобы проверить свою почту. Все было таким же, каким она оставила его восемь лет назад, – клубки скрученной пряжи аккуратно разложены на полочках, кусок ткани цвета пиона все еще свисает со станка, ожидая, когда ткачиха сделает следующий ряд.

Сара чувствовала себя потерянной. Это было так, словно кто-то набросил темный капюшон ей на лицо, кружил ее, пока ее не затошнило, затем бросил вперед, чтобы она вслепую прокладывала себе путь в жизни, молясь о том, чтобы найти на что опереться.

Со временем она нашла – Джека Дэйли. Она быстро прижалась к нему, притащила его домой, словно трофей в охоте на выживание после утраты. Она привела его как доказательство, что она превратилась из дочери устричного фермера в человека карьеры, которую обожают люди вроде Джека Дэйли. Ей хотелось прокричать миру – посмотрите, что я из себя сделала. *Посмотрите на мужчину, который любит меня, – принца из Чикаго.*

Она гордилась, показывая своего симпатичного, успешного жениха городку, который считал ее неудачницей. Как Золушка, она хотела, чтобы мир знал, что она нашла пару к своей любимой туфельке и собирается выйти замуж за принца. У нее было все – хрустальные башмачки, горячий парень и золотое будущее.

Надо отдать ему должное, Джек хорошо играл свою роль. Каждый мог видеть, как он хорош собой. Они посетили городок 19 апреля, когда эвкалиптовые деревья оделись в длинную, волнистую листву, холмы были покрыты цветением диких ирисов и люпинов, а радужная форель поднималась по горным речушкам. Нетронутая земля бухты Томалес и обрывистые западные берега, окружавшие Тихий океан, создавали драматический фон для ее триумфального возвращения.

– Когда я увижусь с твоими друзьями? – поинтересовался Джек.

Он должен был спросить. Были люди, которые знали ее, знакомые ее родителей, бывшие одноклассники, работники Устричной компании бухты Мун, Джуди, клерк в художественном магазине. Сара общалась и с другими людьми, но не поддерживала с ними контактов после школы. Она рассыпалась в объяснениях:

– Я никогда не была очень общительной...

– У тебя должны быть друзья. – Для парня вроде Джека, окруженного обширной и счастливой группой друзей, настоящих друзей, ее положение было немыслимо. Сара никак не могла объяснить ему этого. Так же как не могла объяснить, что вся ее взрослая жизнь прошла в попытках преодолеть ее юность, а не вернуть ее.

Будучи не в силах создать живую социальную группу из прошлого, она предложила, чтобы они уехали из Гленмиура надень раньше, чем планировали, под предлогом турпоездки в Сан-Франциско, но на самом деле чтобы уехать побыстрее от напоминаний о человеке, которым она была. После этого она вступила в мир Джека, и он принял ее. Его родители напоминали Оззи и Харриет в возрасте. У него было достаточно друзей, чтобы населить маленький городок. Будучи его женой, она нравилась, ее принимали и ею даже восхищались.

Мысль о том, чтобы после всего этого вернуться домой в пустой дом в бухте и к отцу, который выглядел потерянным, была болезненной. Она изредка приезжала домой без Джека, проводила тихие часы в надежде, что сможет смягчить агонию отца, но ей и это не удалось. Отец вскоре стал навещать ее в Чикаго, и его общество было утешением для нее во время болезни Джека.

Теперь она чувствовала себя здесь незнакомкой, ее шаги гулко звучали в пустой мастерской. Она изучала клубки ярко-алого кашемира, словно застывшие в бесконечном ожидании. «Я все еще вижу тебя во сне, мама, – думала она. – Но мы больше никогда не говорим».

Она коснулась веретена кончиками пальцев. Что, если она уколется до крови и уснет на сотню лет?

Хорошая идея.

– Я дома, – сказала она, укладывая сумочку и ключи на конторку в большой, солнечной кухне в доме ее отца.

– Я здесь, – позвал он. В своем кресле-качалке, с каталогами, разбросанными на кофейном столике перед ним, Натаниель Мун выглядел лентяем. Он, без сомнения, заслужил эту привилегию. До того как удалиться от дел, он расширил бизнес и обучил Кайла. Теперь он отступил в сторону и проводил большую часть своего времени исследуя и восстанавливая «мустанг».

– Похоже, ты занят, – сказала Сара.

– Я читаю, как восстановить и поставить карбюратор, – объяснил отец.

Эта страсть поглотила его полностью. Когда он не был в гараже Маунгера, работая над машиной, он рыскал по Интернету в поисках запчастей или смотрел шоу реставрации машин по телевизору. Саре казалось, что он исчезает в своей машине так же, как она исчезает в своем искусстве.

Его дети немного тревожились о том, что он стал магнитом для женщин, превратившись во вдовца в относительно молодом возрасте. Он был добрым и терпимым человеком и неизменно вежливым, отвергая женщин, ищущих его внимания.

Все в городке знали Натаниеля Муна, и все его любили. «Такой приятный, симпатичный мужчина», – часто говорили люди.

Сара не могла не согласиться ни с одной из этих характеристик. Однако она понимала теперь, что на самом деле не знала его. Он был словно папа по телевизору – заботливый, сочувствующий и совершенно незнакомый.

– В этом городе есть отдел контроля за животными? – спросила она его.

– Думаю, что да. Зачем тебе? У тебя животное вышло из-под контроля?

– Дворняга, уличная собака. Ее едва не сбила машина в центре города.

– Мы – прогрессивный район, – сказал он. – У нас есть приют для животных.

– Собаке лучше надеяться, что у вас есть нормальные водители.

– Я посмотрю, смогу ли найти для тебя их номер. Как прошла встреча? – спросил он, не поднимая глаз от каталога.

– Она прошла. Я была удивлена, что Брайди Боннер меня помнит.

– Она теперь Брайди Шафтер, – напомнил он ей. – Почему удивлена?

– Потому что мы не были друзьями, – сказала Сара. – Мы ходили в одну и ту же школу, но не были друзьями. У меня никогда не было особенно много друзей.

Он перевернул страницу.

– Но у тебя были друзья, дорогая. Когда ты была маленькой, в доме все время были дети.

– Это были друзья Кайла. Помнишь его? Моего безупречного брата? Люди приходили повидаться со мной, только когда мама приглашала их матерей и они были вынуждены или подкуплены.

– Вообще ничего этого не помню. – Он перевернул еще страницу.

Она изучала отца, расстроенная из-за дистанции между ними. Она могла бы сказать куда больше. Ей хотелось бы спросить его, скучает ли он по матери так, как скучает она,

видит ли он во сне свою жену, но она чувствовала привычную эмоциональную усталость, которая заставляла ее держаться с отцом на расстоянии.

– Пойдем, – сказал он, неторопливо вставая. – Давай выведем лодку. Я привезу чего-нибудь поесть.

Ей хотелось сказать, что она не голодна, что она никогда больше не станет есть. Но факт был в том, что она проголодалась. Ее предала собственная жадность.

Через пятнадцать минут они уже плыли, перед ними рассекал воду морской охотник «Арима». Лодка вошла в канал и спокойно пошла на малых оборотах. Моторные лодки были приписаны к бухте, но, будучи местным фермером, ее отец был исключением. Ощущение мягкого, покрытого винилом сиденья, богатый запах прилива напоминали о давно прошедших днях. Супружество, болезнь Джека и его предательство произошли с кем-то другим.

Отец открыл пиво и предложил банку ей, она потянулась к ней, потом засомневалась.

– Не твоя марка? – спросил он.

Внизу живота она испытала мгновенную тупую боль, словно были разбиты иллюзии. Все это произошло с ней.

Отец изучал ее лицо.

– Я сказал что-то не то?

– Нет, я просто... Я давно не пила. До того как все это случилось, я пыталась забеременеть.

Он смутился, по его глазам пробежала тень.

– Так что... гм... ты не...

– Нет. – Часть ее хотела рассказать ему о визитах в клинику, лекарствах, дискомфорте и тошноте. Другая часть хотела сохранить свою боль в тайне. – После того как закончилось лечение Джека, – продолжала она, – моей главной целью в жизни было забеременеть. – Она слышала, как произносит эти слова, и ощутила муку. Когда ее приоритеты сместились с брака на репродуктивную систему? – В любом случае я не беременна, – быстро сказала она, понимая, что разговор становится трудным, – и я выпью это пиво. – Она сделала глоток, ощущая вкус пива. Боже, как давно этого не было. – Последний год мы прибегли к искусственному оплодотворению.

Он прочистил горло.

– Ты хочешь сказать, что Джек не может... из-за рака?

Она посмотрела на воду.

– Доктора всегда говорили нам, что во время лечения надо ставить себе позитивные цели, что такая логика даст ему больше поводов для выздоровления.

– Я не уверен, что делать детей – такой повод.

Сара почувствовала необходимость защищаться.

– Мы хотели иметь семью, такую как у других пар.

После всего, что случилось, она вынуждена была задуматься о своих истинных мотивах. Глубоко в душе она давно знала, что что-то не так, что-то, что должно было исправить появление ребенка.

– Все равно, – сказала она, пытаясь вернуть разговор в прежнее русло, – я могу отпраздновать свою новообетенную свободу. Она сделала жест, как будто чокается с ним пивом. – И я обещаю, что все детали ты узнаешь именно от меня.

С облегчением он откинулся на сиденье.

– У тебя тяжелый выбор, детка.

– Надеюсь, это не слишком странно, что я рассказываю тебе такие вещи.

– Это странно, – признал он. – Но я с этим справлюсь.

Она наклонила голову, чтобы скрыть улыбку. Ее отец был моряком, жестким и грубым, но он старался быть понимающим.

– Тебе не холодно? – спросил он.

Она ощутила дуновение ветра на лице и в волосах.

– Я жила в Чикаго, папа. Самая плохая ваша погода для меня хороша. – Она представила себя в Чикаго, расчищающей дорожку от снега, чтобы вывести машину из гаража. Однажды она нарисовала, как Ширил прыгает из окна второго этажа и сбегает в Мексику.

– Что смешного? – спросил отец, обводя лодку вокруг вежи, известной как камень Анвила.

Глядя на проплывающие мимо волнообразные холмы, она ответила:

– Ничего, в самом деле. Просто улыбаюсь собственным мыслям.

– Тебе это всегда хорошо удавалось.

– И до сих пор удастся. Брайди предложила мне имена нескольких терапевтов, но я сама себе психоаналитик.

– Как тебе это удастся?

– Это не так трудно. Я не слишком сложный человек. – Она подтянула колени к груди. – Я чувствую себя такой глупой.

– Это Джек должен чувствовать себя глупым.

– Я заключила сделку с Богом, – призналась она отцу, словно говорила сама с собой перед отражением в зеркале.

И может быть, так оно и было. Он сказал:

– Что же ты поставила на кон?

– Выздоровление Джека.

Он кивнул, отхлебнув пива.

– Не могу сказать, что я тебя виню.

– Значит, это мое наказание? Бог спас жизнь Джеку, и теперь я должна его потерять?

– Бог действует не так. Не в Нем причина. Причина в твоём муже, у которого вместо мозгов дерьмо.

Она сомневалась, чтобы Джек видел это с такой стороны. Он был в окружении друзей и семьи, которые обожали его и чье одобрение было глубоким и сильным. Те же люди, которые носились вокруг него, когда он заболел, без сомнения, поддержали его в минуту брачного кризиса. Они, должно быть, убедили Джека, что он ни в чем не виноват, так же, когда он был болен, что его жена загнала его в угол, вынуждая его завести ребенка. Ее там не было, чтобы все это услышать, но она была уверена, что это правда, потому что она знала Джека. Люди в его жизни были его самоутверждением. Он нуждался в них так же, как она нуждалась в чернилах и бумаге для того, чтобы рисовать. Сара привыкла думать, что она – та, в ком он нуждается больше всего, но, очевидно, это был не тот случай.

Джек утверждал, что она несет свою часть ответственности за разрушение их брака, и вероломная часть ее сердца гадала, правда ли это. Сыграла ли она свою роль?

В своем страстном стремлении иметь ребенка не подвергла ли она Джека стрессу? Один из вопросов, которые она для себя открыла, заключался в том, что их брак был в опасности задолго до того, как она обнаружила правду о Мими. Хотя факты были налицо, Сара сопротивлялась до последнего, она твердо стояла на своем и отрицала, что что-то не так.

– Спасибо, что сказал это, папа, – произнесла она, глядя на чудесный пейзаж. Когда она была злым подростком, она не ценила драматической красоты лесов и утесов, вытягивающихся в море. И только когда она обосновалась в Чикаго и оглянулась назад, она увидела, что тюрьма ее взросления, которая, казалась, так ее тяготила, на самом деле была раем. В Чикаго она была словно дерево, пересаженное не в то место, туда, где было недостаточно света и воды. Она наклонила голову и ощутила, как солнце греет ей щеку. – Я слишком спокойна, – сказала она отцу.

– Что такое?

- Насчет Джека. Я слишком спокойна.
- А это плохо?
- Как будто нормально расставаться, – сказала она. – Ты так не думаешь?
- Нормально для чего?
- Для меня. Для кого угодно.
- Я правда не знаю, дорогая.

Это замечание пробудило в ней старую боль, реальность ее отношений с отцом. Они просто не знали друг друга; и никогда не знали. Она не могла придумать причины, по которой они не выстроили нормальных взаимоотношений. Может быть, это их шанс. В ситуации, когда ей пришлось подлизываться к нему, она увидела потенциальную возможность.

- Папа...
- Скоро стемнеет. – Он повернул моторку и направил ее к дому. – Держись.

9

Аврора взорвалась гневом, а Уилл тем временем неторопливо закончил обед. Опыт научил его, что нет смысла бежать за ней в комнату, когда она в таком настроении. Она рыдала о несправедливости мира и отказывалась слушать все, что он говорил. Ей нужно было время, чтобы остыть; затем он разгребет пепел сторевавших обид и попытается разобрать дело.

После долгого дежурства он пришел домой в надежде на мир и покой, он собирался проверить почту и счета, может быть, сыграть раунд в один-один со своей дочерью на подъездной дорожке. Однако в последнее время он никогда не знал, что ожидает его дома. Его прежде веселая, предсказуемая дочь проходила через болезнь роста, и пока он видел больше боли, чем взросления. Она научилась обезоруживать его, поднимая вопрос о своей матери. Он не мог сказать, вправду ли она испытывает страшную боль от того, что сделала Марисоль, или это просто способ достать его.

Чувствуя себя усталым, он поднялся и отнес посуду в раковину, оставив тарелку Авроры на столе. Это было правило, и он, черт побери, не собирается его менять только потому, что подростковые гормоны сотрясают ее тело.

Да, это было так. Его солнечная, смешная дочка, чье лицо обычно было открытым, как цветок весной, была похищена. Ее место заняла незнакомка, которая вечно была не в настроении, которая спорила и бросала вызов, чье тайное молчание ставило его в тупик, чьи раны он не мог ни видеть, ни исцелить.

Черт. Она пугала его – факт, в котором он едва смел признаться самому себе. Однако это было правдой. Уилл Боннер, капитан пожарной службы и первоклассный служака, ужасно боялся сделать что-нибудь не так с этим ребенком, который стал таким уязвимым и нуждающимся в защите. Это была жизнь, а не игрушка, и все имело огромное значение. Он боялся, потому что не хотел раздувать пламя. Он постоянно спрашивал себя: «Не был ли я груб с нею? Или слишком мягок? Должен ли я сменить этот сумасшедший график работы и поискать доктора? Мать?»

Эти мысли одолевали его иногда, когда Аврора поднимала эту тему. Ему казалось, что он без проблем справляется с родительскими обязанностями. Но пубертат ударил по ней, и возникла новая, напряженная динамика. Внутри она уже была молодой женщиной, и эта Аврора была для него незнакомкой, и, похоже, у нее были нужды, которые он не мог удовлетворить. Но мать – это не то, что он может раздобыть одним движением брови.

Измученный тревогой и неуверенностью, он собрал ее тарелки и убрал ее часть стола. У него не было команды следователей, чтобы помочь решить эту задачу. Он хотел защитить свою дочь и подарить ей счастливую жизнь, но, несмотря на все его усилия, она ускользала от него, и он не знал, как ее вернуть.

– Специальная доставка, – раздался голос у задней двери.

Уилл вышел, чтобы открыть сестре. Впереди нее шел огромный букет белых пионов. Брайди вошла в кухню и положила цветы на стойку.

– Осталось после этой свадьбы в Саусалито, – объяснила она. Цветочная ферма их родителей делала прекрасный бизнес на свадьбах. – Я думала, Авроре они понравятся.

– Спасибо, но теперь Авроре ничего не нравится.

– Значит, мы не в настроении, – заключила она.

– Мы в говнистом настроении, – признал он. – Этот ребенок может раздуть пожар из ничего. Сегодня она разыгрывала карту «ты не моя мать» и посылала к чертям все... – Он едва мог вспомнить. – Все на свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.